

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

אבי אבי
הי שחאי

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

К ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Материалы к лекции
Даниэля Марома (Израиль)

Москва
сентябрь 2012 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

«Во саду ли...»

Когда начинают вспоминать детский сад, часто выясняется, что эти воспоминания навсегда врезались в память человека как первичный и основополагающий момент в его жизни. Такой характер воспоминаний этих лет превращает их, по-видимому, в подходящий исходный пункт для диалога. В то же время с того момента, когда их выставляют на обсуждение, они также подвергаются переосмыслению, ведущему к основательному изменению педагогической точки зрения. Все это произошло в ходе приводимого ниже обсуждения, состоящего из пяти частей, или главок.

Комнаты, полные света

...Песни, которые мы пели в детском саду, чаще всего были о родине, о революции, о Великой Отечественной войне или о Ленине. Это были песни о положительных человеческих качествах, о храбрости, о людях, способных на героические поступки. В песнях главным был коллектив, а не одиночка. От каждого требовалось внести вклад в общее дело, и не только на войне, как в Израиле... Общественное всегда было важнее всего.

...Надо все-таки подчеркнуть, что в прежней России детское воспитание было ступенчатым. В детском саду ребенок официально был вне политики, но в первом классе его принимали в октябрюта, а это уже вроде курсов молодого бойца. Он словно становился внуком бабушки Ленина... это был предварительный этап формирования коммунистического сознания. Дети все время соревновались в «добрых делах», вроде помощи старикам, при этом все делалось как будто во имя коммунистической партии, но главное, что добрые дела всегда были на благо других. Мы помним патриотическую песню о юном барабанщике, которую пели детьми. [Все учителя-репатрианты запевают хором.]

...В последние десятилетия начался другой период. Появилось много мультфильмов. Меньше говорили о политике, государстве, знамени, об армии и о революции. Новые песни подчеркивали такие ценности, как доброта и щедрость. Они были сложнее, неоднозначнее. В них попрежнему присутствовали политические мотивы, но акцентировалась свободная жизнь.

...Я помню, например, песню из мультфильма, в которой речь идет о том, что «от улыбки станет всем светлей» и что это хорошо, когда люди друг другу улыбаются. А есть еще песня о ежике, который шел на именины к щенку. Он идет по лесу и спрашивает: «Елки, зачем им иголки, разве мы волки вокруг?» В ней говорится о братстве и мире, о неприятии вражды.

...Тут создалось впечатление, что там все было тяжело и все было связано с политикой, все песни, рассказы, все детство. Вы так реагируете, как будто мы там ужасно страдали. Так я хочу подчеркнуть, что детство – это самое лучшее, что было

в России, о чем можно только мечтать. Песни и детская литература были на очень высоком уровне, а политические идеи служили делу лучшего воспитания. И между прочим, в Израиле тоже, как и в других странах, есть такие идеи... Израильское общество тоже говорит: «хорошо умереть за родину», была индоктринация...

...В старой педагогике главной идеей хоть и был коллективизм, но подход был такой, что дети – это не куклы, что их нужно обучать как следует, на том уровне, который соответствует уровню их восприятия. Садик воспринимался как начало учебного процесса. Там выбора не было, ребенку приходилось учиться. Обязанности были важнее права выбора. Обычно воспитательница сама решала, что нужно учить. А если и был выбор, то ограниченный.

...Я помню настоящие уроки, особенно когда мы стали постарше. Мы учили много стихов наизусть и даже очень длинных. Система заучивания наизусть существовала и в школе, так что в этом была какая-то подготовка.

...Я помню, что возвращался из садика самостоятельно. Мы вообще учились там меньше зависеть от родителей. Летом в возрасте четырех-пяти лет мы уже отправлялись в загородные лагеря, вдали от дома, иногда не видели родителей неделями. Я не припоминаю, чтобы у детей были проблемы из-за разлуки с родителями. Лагеря были почти бесплатными, но не обязательными, так что те, кто хотел остаться с родителями, в них не ездили. Поход на природу был «приключением», в отличие от занятий в садике. Лагерь был «отдыхом», там не проводили занятий, море или лес – вот где можно было освежиться и восстановить силы.

...Я никогда не был в детском саду. А вот моя старшая дочь ходила в детский сад в Латвии до 84-го года. Там детский сад – это ступень в государственной системе воспитания. Но детсад не был обязательным, кто не хотел, тот не ходил. Частных садов не было, и сад был почти даром. Физические условия не всегда были идеальными – много детей, больше 30 в группе. Но это были «занятия». Определенный распорядок дня, нельзя было являться позже восьми утра, после этого закрывали двери. Вообще, в России нигде нельзя было опаздывать... это потому, что относились серьезно. Было регулярное питание и строго установленный распорядок дня до шести или до семи вечера, включая сон после обеда. Существовала разница между официальным отношением к детям и неофициальным. Во время чтения или игр с детьми разговаривали в «детских» тонах, ну а во время занятий отношение становилось официальным и менее личным. Воспитательницы не всегда были образованными, но очень натренированными и знали, как навести порядок и как добиться дисциплины. Как и повсюду, большое значение имела личность воспитательницы. Надо отметить, что, несмотря на количество детей, было тихо. С педагогической точки зрения тишина была очень важна. Вот воспоминание из первого класса: иногда детей оставляли в классе до вечера, чтобы они научились сидеть... Приучали к тишине и вниманию. В возрасте пяти-шести лет дети уже знали, что занятия – дело серьезное, это не игра.

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

...Я лично поминаю садик добром. До сего дня я люблю ту еду, которую нам подавали на обед, и думаю, что тогда и возникли мои привычки в еде. Помню, что воспитательницы никогда не обращались с детьми грубо и не повышали голоса. У каждого ребенка была своя кровать, и в туалете у каждого было свое постоянное место, ночной горшок – то есть к нам относились индивидуально. Я учился в садике счету и музыке, танцам и пению.

...В России были разные садики, но, помимо различий, было большое сходство. Ведь так много общего осталось в воспоминаниях людей, которые сюда приехали из самых разных и отдаленных мест.

...Мой младший сын ходил в детский сад здесь, в Израиле, и я очень-очень разочарована. Он не вынес из сада никаких знаний... Когда мой старший сын закончил посещать сад в России, он уже умел читать и писать. Он учил стихи наизусть. Целые тексты. На выпускном представлении без проблем был ведущим на сцене в течение двух часов. А здесь? Прихожу я, например, в садик к младшему сыну на праздник. На каждый праздник устраивают какое-нибудь представление с участием детей. Они совершенно несобранны, не знают текст, едва-едва поют и танцуют без всякой связи с музыкой, которую было почти не слышно из-за шума. В этом возрасте можно достичь лучшего уровня развития. Может быть, это из-за количества детей или из-за либерального подхода к воспитанию. В израильском садике дети остаются в своем детстве, и воспитательница¹ не имеет желания это изменить, нет процесса адаптации. В этом возрасте ребенок способен больше получать и больше делать. А здесь – всё игрушки.

...Я помню, что бытовые условия в садике были очень хорошими, лучше, чем в Израиле. Садик всегда состоял из нескольких комнат. И я помню их полными света. У каждого ребенка была кровать, весь день был распределен. Проводили уроки музыки и рисования, в комнате для игр стоял рояль.

...С формальной стороны этот садик был превосходен. В садике мы спали, мы оставались там с семи утра, а иногда и с половины седьмого до семи вечера, а если родители работали допоздна, то даже до девяти или десяти. Меня тут спрашивают: «Ой-ей-ей, а где же была мама?» Так вот, когда я приехала в Израиль, то на короткое время стала помощницей воспитательницы в детском саду. И кто же в час дня приходит забирать детей? Братья и сестры, бабушка и дедушка, потому что родители работают. Так в чем же разница?

...И было очень чисто, все время мыли и старались поддерживать чистоту! И заботились о здоровье ребенка, часто приходили врачи, делали нам прививки... Так что, когда мы приехали в Израиль, увидели детский сад, состоящий из одной комнаты, грязный, и сидят на матрасах в обуви, четверо-пятеро детей на матрасе... Так что свобода – действительно хорошее слово, но...

---

¹ На самом деле на иврите работница детского сада вовсе не называется «воспитательницей». Буквально ее должность переводится как «садовница». (Прим. перев.)

Потерянный рай

...Чего-то мне в вашем идеальном описании не хватает. Где перемены? Вам что, не давали чутьчуть поиграть с мячом?

...Это не пустой вопрос. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что с точки зрения сабр детство – это золотая пора, нечто прекрасное, что предстоит потерять. Тебе предстоит перейти мост, по которому ты уже никогда не вернешься назад. Этот мост – не только армия. Но и армия тоже. Взрослая жизнь воспринимается как жизнь тяжелая. И когда израильтянин уже переходит мост и вступает в «тяжелую жизнь» и у него есть ребенок, то он хочет для своего ребенка сделать максимум. Он не хочет, чтобы ребенок вырос слишком быстро. До тех пор пока ребенку придется самому вести «тяжелую жизнь», ему нужно дать максимальный простор без ограничений. Родитель хочет дать ему свободу, и это такая конфетка, чтобы он «вкусил детства». Эта «свобода» – право беситься.

...Приведу вам другой пример принципа игры с мячом на перемене. Мой муж воспитывался при коммунистическом режиме в Румынии, воспитание там было такое, знаете, очень «эстетическое». Его мама рассказывает, что мальчиком он старательно следил за тем, чтобы не испачкать штаны, когда вместе с другими детьми играл в песочнице. Когда мы поженились, я заметила, что его так и тянет мастерить всякие вещи, он заполнил весь дом досками и превратил его в столярную мастерскую. И еще были у него джинсовые шорты, одна пара. И он ни разу их не стирал. Он сам стирал свою одежду, а эти шорты – никогда, пока они не стали по-настоящему тяжелыми от грязи. Он возился с землей и говорил: «Я хочу чувствовать землю руками». И это, может быть, и есть тот принцип, который выражается в игре с мячом на

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

переменке. Для меня возможность поиграть с мячом – это возможность еще побыть ребенком. Ребенку нужно играть на улице, пачкаться в песке...

...Интересно, что родители получают огромное удовольствие на праздниках в саду-ке, обожают попеть. Жизнь там кажется такой, какой была до изгнания из рая.

...Я думаю, что с детьми можно пробовать самые разные вещи уже в раннем возрасте. Я думаю, что действительно можно и должно приобщать маленького ребенка к серьезным вещам. Проблема в том, что психологически он должен при этом оставаться ребенком. Приведу пример из другой области. Я отправилась с восьмым классом «Шевах-Мофета» в поход, и мы подошли к речке. Я сбрасываю туфли, снимаю носки и хожу по воде, а они, наши дети-репатрианты, сидят и смотрят. Я спрашиваю: «Эй, что случилось?» Смотрят на меня, словно инопланетяне, и не понимают, чего это вдруг. А как мы будем сушить ноги и как наденем носки? Я почувствовала, что тут есть какое-то базисное отличие. Я чувствую, что тут что-то глубоко укоренившееся, и нельзя вот так просто отбросить установленные нормы и начать делать, что тебе заблагорассудится.

...Я представляю старшее поколение, и сейчас, когда я вас, русскоговорящих, слушаю, мне кажется, что я лучше понимаю собственное детство, потому что и здесь, в Израиле, была такая маленькая Россия... Я ходила в садик с 54-го по 56-й год, а потом отправилась в первый класс. Для нашего поколения не было характерно, чтобы все вертелось вокруг ребенка, по крайней мере, пока я не закончила школу в 68-м году. Я вернулась в систему образования уже учительницей, в 78-м, и тут уж пережила шок. Прежде всего, к учителям перестали обращаться «учитель», ученики стали называть меня по имени, сделались моими приятелями... исчезла дистанция. Казалось, что за десятилетие моего отсутствия понятие дистанции совершенно разрушилось. В той школе, где я прежде работала, на выпускном вечере директору пришлось попросить учениц не целовать его, а только жать руку, потому что им казалось таким естественным целовать директора на прощание. Чтобы я целовала директора?! Я не хотела, чтобы он ко мне приближался! Я максимум здоровалась с ним, и всё. Была единая форма, нельзя было приходиться в джинсах. Из-за этого отправляли домой. Когда учителя входили в класс, все вставали. Была кафедра на возвышении. Это было начало моды на мини, голова у нас шла кругом, учениц пачками отправляли домой. А когда я вернулась в школьную систему, то не понимала, где нахожусь. Вместе с тем происходит процесс, когда ребенок ставится во главу угла, и чем он старше, тем его больше нужно уважать, не говоря уже о том, что в мое время учитель был на положении бога, несмотря на то что мои родители оба были уроженцами страны. Было ясно, что против учителя не пойдешь, и если он что-нибудь говорит, то наверняка знает зачем и почему, и это непререкаемо. Это очень похоже на то, что вы пережили в своем детстве.

...Я могу устроить вам встречу с целым классом, с которым прошло мое детство, и все они расскажут вам то же самое. Сегодня мне ясно, что молодое поколение затрудняется понимать значение существовавшей тогда дистанции. Моя дочь спо-

собна понять. И вот до чего это может прийти. В третьем классе я пережила травму. Однажды я не приготовила задание по арифметике, сделала только два примера вместо трех. И вот на следующий день пришла учительница, и вместо того, чтобы рассказать ей, что я сделала, я сказала, что забыла тетрадь дома, а врать я не умею. Госпожа учительница, посмотрев на меня, заметила мое смущение и сказала: «Дай мне, пожалуйста, свой портфель». В присутствии всего класса. А я была хорошей ученицей, между прочим. Она высыпала все мои вещи на стол и нашла тетрадь... и не подумайте, что она была особенно вредной, а просто... такова была школьная установка. Эта учительница написала мне устрашающее замечание, и я, естественно, должна была принести подпись родителей. А что было с родителями? Они встали на сторону учительницы. Как это возможно, чтобы девочка обманывала и чтобы не выполняла задания по арифметике? Моя мама рассказывает (я-то этого не помню, постаралась забыть), что в тот год я забыла, как читать и писать. Это был кошмарный год. К концу года мама поняла, что нельзя было поддерживать эту учительницу. И с этой точки зрения, по части дисциплины, я чувствую большую близость к ученикам. Ужасно видеть, как ребенок приходит в родительский день в нашей школе с папой или с мамой и пытается сказать мне что-то, а родители говорят ему: «не размахивай руками», «помолчи, когда говорит учительница», «не двигайся». Я вижу такие сцены и возвращаюсь к этой истории в третьем классе, и у меня сжимается сердце... Ребенку можно двигаться и можно давать выход радости и расстройству в ответ на то, что мы ему говорим. Эта сцена с родителями, имеющими докторскую степень и занимающимися музыкой, или физикой, или чем угодно важным и высококультурным, а их ребенок сидит в напряжении на стуле, потому что он не получил сто баллов за что-то, чего они от него хотели, и я вижу, что еще немного – и этот ребенок окажется уже под стулом, что он готов провалиться сквозь землю... такую сцену мне трудно пережить.

...Может быть, стоит немного уточнить. «Советская» система не доминировала в Израиле и в поколении родителей. С одной стороны, в определенных школах была большая «дистанция», а с другой стороны, система воспитания в целом старалась оставаться абсолютно равноправной. Я имею в виду кибуцные школы, и, кстати, если хотеть какого-то отклика на русское воспитание, то его следовало ждать именно оттуда. Так вот, обычай обращаться к учителям по имени пришел оттуда и был в ходу еще в сороковые годы в «Эрец Исраэль Га-оветет». Я учился в интернате в середине пятидесятых. И там тоже обращались к учителям по имени. Что-то не припоминаю, чтобы учитель был для нас «богом», наоборот. Я помню открытую критику. Действительно, сегодняшнего ощущения, что это переходит все границы, еще не существовало, и верно также, что в значительной степени, как вы справедливо заметили, центром внимания был взрослый учитель, а не ребенок. Я думаю, что ваше изумление близостью учеников к учителям и отсутствием «дистанции» нельзя объяснить только отличием от привычной для вас атмосферы в тех школах, где вы учились, но, может быть, это объясняется и ощущением, что утерян необходимый для учителя авторитет. Помоему, ваши слова выражают настоящую растерянность. С одной стороны, вы сожалеете об утраченном авторитете, а с другой – находите в

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

поведении родителей-репатриантов и их детей все недостатки собственного воспитания. Это словно возвращает атмосферу парализующего страха, сопровождавшую излишнюю авторитарность, которая насаждалась системой образования.

...Есть еще одно заметное различие между вчера и сегодня. В садике тоже закончился период уравниловки. Сейчас, в связи с репатриацией из разных стран, учат принимать и воспринимать «иного». Это реакция на политику «плавильного котла» 50-х–60-х годов. Обращение к эмоциям ребенка стало следствием уважения «иного». К этому подводят многие книги, вроде детской книги Дана Пагиса «Ряженое яйцо», в которой решается вопрос подлинного «я» ребенка и права быть «иным».

...Я здесь представляю младшее поколение. Для меня лично садик был периодом, который я предпочла выкинуть из головы, чем-то неинтересным и не оказавшим влияния – ни плохого, ни хорошего. Я ходила в садик в Яд-Элиягу, и мы делали всё то же, что делают сегодня: творческие занятия, игры, приобщение к коллективу, встречи субботы, праздники. Нам устроили психологический и дидактический экзамен перед первым классом. Я не очень-то помню воспитательниц. Садик был слишком отрывочным времяпровождением, чтобы возникли какие-то эмоциональные связи, и недостаточной подготовкой к школе. Я ходила в садик, где воспитательница была «бесиситтер», и чувствовала, что нивелируюсь в нем, личные потребности не встречали отклика. Меня воспринимали как что-то общее, а не частное. Я гораздо больше переживаю опыт детского сада благодаря моим детям. У нас много праздников, и для каждого есть примерно шесть стишков, которые ребенок, словно мантру, декламирует с притопом и прихлопом. Есть традиционные песенки и танцы, на которых я и сама воспитана, детские книжки, которые были у меня в детстве и сейчас находятся у нас дома: братья Grimm, Андерсен, «Пес Плуто», «Милая бабочка», «Мицпетель». Но есть и новые вещи, новые писатели: Нира Харэль или Алона Френкель, но в принципе те же самые вещи переходят из поколения в поколение, те же истории о малыше Йонатане, Красной Шапочке и Белоснежке. Во всех этих историях ребенок находится в центре внимания. Я заметила, что сейчас есть много кружков, которые сосредоточены на личностном, индивидуальном и эмоциональном развитии ребенка. Есть попытка привить ребенку уверенность в себе, своего рода решительность и инициативу, возможно, лидерство в таких проектах, как «Маленький ученый», «Исследователь», а с другой стороны – уроки дзюдо в садике.

...Сейчас в садике часто приносят животных, дают детям погладить их, рассказывают об их повадках, стараются научить детей общению с природой, с окружающей средой. В этом есть много чувства, а не только рассудка.

...Мои дочери, например, ходили в специальный детский сад, в училище Левински. Воспитательницы были там и учителями молодых воспитательниц. Что касается разнообразия занятий, самого места и профессионального уровня работников, условия там соответствовали самым высоким требованиям. В этом саду наилучшим образом использовались принципы сочетания игры и обучения, воспитатели стремились привить детям навыки пользования компьютером, любовь к природе,

коммуникабельность и обращали внимание на эмоциональное развитие. Целью было воспитание любознательного и открытого ребенка. Обучение было сплошным удовольствием, но, несмотря на оптимальные условия, обнаруживались проблемы и недочеты. Там тоже было слишком много детей на одну воспитательницу, там тоже мирились с «шумовой культурой». Может быть, стоит отметить, что сегодня иногда объединяют подготовительную группу с первым классом школы, и таким образом сад превращается в часть школьной системы. Но когда я думаю о том, какое влияние оказал сад на жизнь моих девочек, а они уже выросли, я не могу сказать, что оно было доминантным. Опыт подросткового возраста в нашей действительно оттесняет опыт детского сада.

...Я чувствую, что тут необходимо все время делать скидку и ориентироваться на более реальные примеры. Система воспитания в детских садах проблематична. Все, что здесь говорилось, прекрасно в теории, но на деле – садик не всегда воплощает в жизнь эти идеалы, и состоятельные семьи так или иначе восполняют этот недостаток, в отличие от России, где всё, включая дополнения, государственное. Количество детей на одну воспитательницу тоже имеет решающее значение, из-за физических условий страдает качество. Дети в израильском садике не тихие, и у них нет рамок дисциплины. Если ребенок не хочет чем-то заниматься, то его не заставляют... у него нет обязательств. Таков педагогический подход, о котором говорится в книге Притч Соломона: «Воспитаю ребенка согласно его собственному пути»...^{*2} Так или иначе, система бессильна... Если ребенок мешает, его отводят в уголок, чтобы он успокоился... Но кроме этого, в израильском садике много шума. Я знаю, что родители часто отравляют жизнь воспитательницы, очень агрессивно вмешиваются, у них полно претензий, и воспитательницы больше занимаются извинениями и утешением таких родителей в ущерб исполнению своих обязательств перед детьми. И «благодаря» таким родителям дети часто позволяют себе грубить воспитательнице.

...Это верно. Система одной воспитательницы и одной помощницы не позволяет обеспечить эмоциональную и физическую поддержку ребенка. А принцип свободного выбора только усугубляет эту проблему. Есть в садике уголки, в которых собираются группки детишек, и воспитательница переходит от одного угла к другому. Этот принцип выражается даже в питании: есть «свободный буфет» – всякие крекеры, банки, бутербродики. У детей, вроде вашей дочки, которые повинуются авторитету, как раз и возникают проблемы. Я лично предпочла бы больший порядок, чтобы, например, дети ели в определенное время, чтобы учились вести себя за столом. Но на деле никто не ограничивает их «свободу».

---

² Синодальный перевод этого стиха (22:6): «Наставь юношу при начале пути его». Однако логика языка вполне допускает такое его прочтение. (Прим. перев.)

Выбор (наихудший?)

...Я не понимаю, что такое «свободный выбор» уже в детсадовском возрасте. Кто там выбирает? Неужели сам ребенок?

...Да, воспитательница примерно в десять часов объявляет: «Кончаем есть, теперь все идут в тот угол, который выберут!» И тогда дети идут или «читать» книгу, или слушать кассету, или в кукольный уголок, или в уголок доктора, в песочницу... Но если ребенок не выбирает, то его не заставляют.

Однако на чем основывается при таком выборе желание ребенка? Он вообще имеет критерии выбора? Когда он говорит: «Я хочу», это выбор?

...Я действительно считаю, что в нашем выборе есть что-то благоприобретенное, то есть он не совсем свободен в этом возрасте. Для этого нужна определенная зрелость. Вместе с тем в каждом из нас есть что-то особенное, мы рождаемся разными. Если один ребенок тянется к музыке, а другой – к чтению книжки, то они в общем-то делают естественный для себя выбор.

...Это не только врожденное! Это требует и определенной зрелости. Ведь мы обнаруживаем у детей в садике очень разную степень зрелости.

Бывают готовые к выбору дети, а есть и неготовые. Порой те, что еще не созрели, могут пережить травму, невероятные мучения. Например, есть дети, которые охотнее включаются в процесс обучения, а другие до этого еще не доросли. Выбор действительно позволяет идти в разных направлениях, это дает возможность укрыться и успокоиться для того, кто еще не в силах справиться с учебной, и это на него давит.

...По-моему, это не настоящий выбор. Вот если бы он действительно стал подготовкой к жизни в открытом демократическом обществе! В таком обществе труднее всего справиться со своей свободой. Это требует соответствующего воспитания. Во-вторых, ясно, что здесь присутствуют в полном смысле слова капиталистические ценности. Это часть общества потребления, ставящего во главу угла личные потребности.

...По большому счету, несмотря на выбор, и здесь, в Израиле, есть четкая программа обучения, есть очень ясный и выстроенный распорядок дня. Этот распорядок допускает определенную свободу выбора, при этом программа сохраняет целостность, обеспечивает концентрацию на определенных моментах, допускает столкновение и отторжение идей. Дети изучают самые разные вещи – праздники, сельскохозяйственные сезоны и прочее... И в этом явственно чувствуется политика. Это политика Министерства образования, инструктирующего воспитательниц. В возрасте четырех-пяти лет, в старшей и подготовительной группах, ребенок учится узнавать буквы. Детей предпочитают не обучать чтению и письму... Не навязывать им этого в раннем возрасте, а только узнавать буквы на вид и на слух. Их учат начальным знаниям: связи между буквой и звуком, исключениям, логике. Это программа Министерства образования «В гостях у буквы». Рассказы и стихи, подражательные

упражнения и представления – все это средства для достижения ценностных целей, таких, как порядок, соблюдение очереди, вежливость и товарищество. Это скорее коды поведения, а не так, как в русском садике, где занятие – это «окно в культуру». Есть также платные дополнительные кружки, вроде ритмики, театра, рисования.

...Это только начальный этап в подготовительной группе. Моя дочь – в общей городской сети, и я заметила, что на определенном этапе ребенку даются реальные возможности выбирать. Это выбор различных групп в течение дня, причем есть группы, в которых воспитательница работает с меньшим количеством детей, и там более тщательное обучение. Есть программа обучения, но есть и изрядная гибкость.

...Да, но такой выбор был и в России, и каждый малыш выбирал себе область, которая ему нравится. Я, например, играла на пианино с пяти лет. Была такая возможность в садике, вот я и играла... И так все дети. Они выбирали, и было много кружков, и они получали массу эмоций, в точности как вы рассказываете... Но мне кажется, имелось в виду нечто другое. Вы говорили, что, предположим, в десять часов воспитательница объявляла, что тот, кто хочет чем-нибудь заниматься, пусть занимается, а кто не хочет – не надо... В России подобного совсем не было, и в этом существенное различие. В России были рамки – общая основная программа для всех. Прежде всего, дети должны были узнать, что это красное, а это зеленое, то есть все должны были получить немного музыки, немного литературы, и только потом они могли пойти играть... Не дети решают, что делать... Существует единая учебная программа для всех садов, но есть и варианты.

...К этому нужно прибавить еще кое-что. В наших домах, в домах интеллигенции, участие бабушки и дедушки в воспитании детей было нормой. Так, конечно, было

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

не везде, а, скажем, в нашем кругу, но, поскольку к нему принадлежало много еврейских семей, это весьма характерно. Мои дедушки были вовлечены в воспитание. Каждое воскресенье тот мой дедушка, который был известным профессором, брал меня в Эрмитаж и показывал мне картины по особой системе, представляя произведения на исторические темы и темы сказок. Более сложными картинами он старался пробудить мое воображение. Образование начиналось дома и было частью общего образования – не секции или кружки. Родители и дедушки с бабушками разговаривали с детьми обо всем связанном с учебой. Например, бабушка отвечала за мои музыкальные занятия. Семья была «мобилизована» на воспитание детей. Это было самым важным в образе жизни, главной ценностью. Я должна сознаться, что до сего дня испытываю неудобство перед сыном. Переехав в Израиль, мы вроде как забросили его воспитание из-за своих профессиональных обязанностей. Я говорю «забросили», потому что в выполнении этих обязанностей не было различия между женщиной и мужчиной. Я думаю, что, возможно, какой-то диссонанс между родителями и детьми во время переезда в Израиль возник из-за материальных проблем, из-за борьбы за достижение статуса, который был у нас прежде.

...Должна признаться, что детские впечатления очень влияют и на меня как на мать. Мои родители – открытые люди, и они оставляли мне очень большой простор для собственного выбора, я практически не помню какого бы то ни было давления. С другой стороны, я сердита на них за то, что они меня не подталкивали, не настаивали. Например, когда у меня обнаружили дизайнерские способности, я почему-то захотела это бросить, а они проявили уважение к моей свободе.

...Вопрос в том, что дают ребенку, а не в том, сколько ему дают свободы. Более образованные дедушки и бабушки чувствовали себя ответственными за воспитание внуков. Они знали, что кроме еды, и защиты, и материальных вещей нужно давать воспитание. В «простых» семьях ограничивались защитой и обеспечением материальных потребностей, выражением любви и тому подобными вещами. Для меня выражение «ребенок важнее всего» – это ответственность родителей за то, чтобы дать ему как можно больше. Из-за этого всегда есть ощущение поражения, словно мы не выполняем свой долг.

...Мое воспитание было основано на марксистском диалектическом материализме. Выбора у меня не было, так я и рос. И я думаю, что не свобода побуждает тебя действовать, а осознанная необходимость. Это очень глубокая философская категория. Чтобы ее воспринять, нужно знать, что имеется в виду под понятием «свобода». Здесь представлено некое серьезное противоречие.

...С одной стороны, действительно, есть противоречие между свободой и ограничительными рамками, потому что свобода – это то, чего вроде бы хочет каждый, но, с другой стороны, только в глубоком понимании рамок, которые общество создает во имя своего существования, и в понимании их роли человек может быть свободным... Ведь он никогда не бывает свободен от общества и может действовать только в его рамках. Смотрите, то, что я усвоила, это мои основы, мое воспитание.

Ребенок, когда он рождается, – это чистая страница. Кто пишет эту страницу? Мы пишем. Мы хотим, чтобы он был таким, как...

...В Израиле есть вещи, которые я принимаю, и есть те, которые принять не могу и которые нужно изменить. Я не люблю революции, я не хочу ничего менять силой... Но что-то в процессе, создающем рамки, не в порядке. Так мне кажется. Например, возле моего дома есть скамейка и там по вечерам сидят юноши и девушки и кричат до двух ночи. Я спускаюсь к ним и говорю: «Мы сейчас спим, нельзя ли потише?» Они не говорят ни единого грубого слова, но через пять минут опять принимаются шуметь, словно я им ничего не говорил. Почему? По-моему, они не научились прислушиваться к требованиям окружающих. Для них существует только собственное эго, и таким они его обрели, когда почувствовали, что для них нет рамок.

...В российских городах в здании детского сада всегда помещались несколько групп. Во время праздников группы приглашали друг друга (обычно старшие) на встречи и утренники, и так развивались общественные взаимоотношения. На общем дворе играли все вместе. Когда мой Боря ходил в садик, к ним пригласили учителей районной школы, чтобы те дали у них несколько уроков, поэтому, когда дети пошли в первый класс, они уже знали учительницу. В садике ребенок учится тому, что есть и другие и что к ним надо относиться внимательно. Ведь ребенок приходит туда из семьи, где он – в центре внимания, эго его раздуто, а садик приучает его находиться в обществе. С трех до шести лет ребенок овладевал основами культуры, это было обучением, даже в интернатах, где оставались на неделю, садик не был в роли «биситтера». Русский детский сад был домом, а не местом вне дома.

...В садике наказывали, и это было неприятно. Например, заставляли есть, потому что не есть, отказываться – это плохой пример для остальных. Были воспитательные наказания, и это всегда переживалось тяжело, потому что унижало ребенка, шла ли речь о стоянии в углу или о том, чтобы объявить всем о плохом поступке, который совершил ребенок, поставив его в середину круга... Или даже вызвать родителей. Наказывали за то, что мешали другим в группе, и за вранье, короче говоря, за асоциальное поведение.

...Я помню, у моей дочери в садике было принято, чтобы по праздникам родителей приглашали, в качестве публики, посмотреть на детей. Каждый ребенок должен был читать стихи или петь, в любом случае как-то в этом участвовать. Помню, там был застенчивый мальчик, а воспитательница перед всеми родителями стала его заставлять... Тогда я даже не очень-то думала о том, что так нельзя, но сегодня я вижу это глазами того ребенка, и это ужасно.

...Меня как раз очень интересует такой «свободный» подход, то есть давать детям возможность развиваться и выражать себя, чтобы каждый ребенок мог делать все, что ему захочется, потому что в России было по-другому. Там с самого начала дети знали, что между взрослым и ребенком есть разница. Нельзя войти в комнату, когда двое взрослых разговаривают, и вмешаться в разговор. Ребенок должен уважать взрослых. И я спрашиваю, почему здесь не объясняют детям, что прежде следует

войти и выслушать, а уж потом выражать собственные желания?.. «Ребенок – это главное», может быть, означает, что взрослый должен заботиться в угоду? Разве это не легитимация эгоистического поведения?

Два Новых года

...Еврейские праздники – это тема, которую не выбирают в израильском садике. К занятиям праздниками в детском саду везде относятся очень внимательно. Это я помню с детства, и то же самое происходит у моих детей в их садике. Там вся жизнь вертится вокруг праздника. С самого начала учебного года готовятся к праздникам тишрея*³, а потом целый месяц перед другими праздниками дети все время слышат о них – Пурим с маскарадными костюмами, Песах с седером, Шавуот с венками и корзинками и тому подобное.

...Почему тогда в первые годы израильской начальной школы интерес к праздникам угасает настолько, что ими вообще перестают заниматься начиная со средних классов?

...Может быть, именно потому, что интерес впоследствии угасает, в праздники столько вкладывают в детском саду. Чтобы дети полюбили их. И делают это в карнавальной и театральной форме. Так ребенку прививают любовь к празднику.

...Праздникам в саду уделяют особое внимание на фоне все большего отдаления израильского общества от еврейской культуры. И здесь не столько учитываются желания ребенка, сколько указания Министерства образования.

...Это похоже на советский подход к праздникам. Праздники в Советском Союзе всегда были связаны с историей и с революцией. Здесь, в Израиле, поступают таким же образом с традиционными праздниками, приобщая детей к сионистской идеологии.

...Можно и так сказать. Как во всяком национальном или религиозном воспитании, в сионистском воспитании проявляется прикладное отношение к культуре ради достижения политических целей. На Хануку, например, подчеркивается борьба Маккавеев за освобождение страны от греков, а на Лаг ба-омер – борьба Бар-Кохбы за освобождение от римлян. Церемонии Дня Катастрофы, Дня памяти павших в войнах Израиля и Дня независимости – тоже важная часть учебного плана. Верно, что многие педагоги сталкиваются с проблемами, когда им приходится как-то справляться с религиозным характером праздников, и поэтому они склонны подчеркивать фольклорные, исторические, природно-географические и национальные стороны. Эти акценты происходили также и в ущерб другим культурным пластам. Поучительный тому пример – отношение к Рош га-Шана. В сионистской версии этого праздника акцент делался на меде и яблоке, надежде на счастливый год в противовес тяготам прошедшего года, а также на музыкальном эффекте трубных звуков шофара. А вот

---

³ Осенний месяц тишрей начинается с еврейского Нового года – Рош га-Шана, за которым после Судного дня – Йом Кипур следует неделя праздника Суккот. (Прим. перев.)

мотив раскаяния еврея, который стоит перед Богом – праведным судьей и творцом мира, пребывающим в небесах, в основном исчез из этого праздника в его сионистском варианте. Это бросается в глаза тем, кто знает, насколько важным был этот мотив в традиционной еврейской трактовке Рош ʿа-Шана на протяжении поколений, от его зарождения до наших дней. И чем больше уделяется внимание карнавальному характеру праздника в детском саду, тем больше этот праздник лишается своей изначальной духовной основы. Он становится частью культуры потребления, еще одним раздражителем в общем ряду соблазнов, соревнующихся в борьбе за душу потребителя. Но по-моему, «сионизация» праздников привела к противоречивым реакциям. С одной стороны, усиливается отдаление от еврейских праздников в Израиле, которое сопровождается критикой, объявляющей их «нерелевантными». У израильтян проявляется инстинкт, побуждающий отделять характер досуга, который связан с сопровождающими праздники выходными днями, от еврейских культурных традиций. При этом можно было предвидеть, что и в садах станут меньше заниматься еврейским содержанием праздников. С другой стороны, от этого их содержания все еще не отказываются, по крайней мере, в детских садах. Многие педагоги и родители стремятся сделать отношение к смыслу праздников более глубоким. Они считают, что светская и потребительская жизнь в Израиле недостаточна с культурной, духовной и национальной точек зрения. Если так, то возможно, что сохранение еврейских праздников в детских садах – это подлинное выражение тяги израильтян к более богатой культурной жизни, искреннего желания вдохнуть в израильскую жизнь содержание и смысл, почерпнутые из источников, находящихся за пределами светской жизни и досуга. Вот почему, наверное, педагоги должны стараться сделать праздники глубже и содержательнее. Парадоксальным образом тут, возможно, есть простор для совместного творчества репатриантов, чувствующих культурную пустоту израильской жизни, и старожилов, которые стараются наполнить израильскую культуру еврейским культурным содержанием.

...Это обсуждение помогает мне лучше понять то, что случилось с учениками из моего подопечного класса в «Шевах-Мофете». Я принесла яблоко и мед на Рош ʿа-Шана, а ученики отказались к ним прикоснуться. Словно перед ними возник какой-то барьер, который они не могли и не хотели преодолеть. Не то чтобы они не считали себя евреями или израильтянами, но яблоко и мед, похоже, символизировали для них что-то чужое, может быть, слишком религиозное, может быть, относящееся не к культуре, а к политической идеологии. Возможно, они воспринимали так всякий праздник и всякий связанный с праздниками обычай. В России главным праздником был гражданский Новый год, 1 января, то, что здесь называется «Сильвестр». Это чисто светский праздник, без единого религиозного или культурного аспекта. Почти научный праздник.

...Если задуматься, то израильский детский сад – это и родительский сад, где сохраняется израильская культура. Жизнь в Израиле – это праздники, времена года, что-то связанное с еврейством. Я была порядком шокирована историей 1 января в нашей школе, когда поняла, что в этот день мне нечего туда приходить, потому что

ночью все праздновали Новый год. Вдруг появился какой-то новый праздник, и я должна переварить тот факт, что он законный. А меня так воспитали, что я полагала его праздником враждебного христианского мира.

...С годами в Израиле 1 января становилось все более принятым праздником, многие отмечали гражданский Новый год еще до прибытия этой алии. Они праздновали Сильвестр без всякого религиозного содержания. Но только в последние годы это стало приобретать такое значение. У нас это произошло постепенно, а для тех, кто приехал из России, это было привычно.

...Но 1 января – не нейтральный праздник! По-моему, учителя-репатрианты тут утешаются отношением к 1 января как к светскому торжеству. Интересно, как это люди устанавливают отношение к праздникам без малейшей связи с их содержанием и историческим развитием! Парадоксальным образом в этом репатрианты похожи как раз на израильских старожилов. Я помню, что, когда я начинал работать учителем старших классов в иерусалимской школе, директор разослал учителям и учащимся письмо о том, что он не потерпит опозданий утром 1 января, потому что Сильвестр – это христианский праздник и, хотя он и уважает христианство, нет места бессмысленному подражанию христианской культуре со стороны израильтян. Мне не так мешало требование не опаздывать на уроки, как то, что директор не разбирается в западных культурных традициях, а ведь он к тому же был учителем истории! И еще мне мешало в его письме отсутствие позитивного отношения к еврейскому Новому году в качестве обоснования его позиции. В этой путанице в конце концов побеждает отсутствие культуры, как еврейской, так и какой-либо другой.

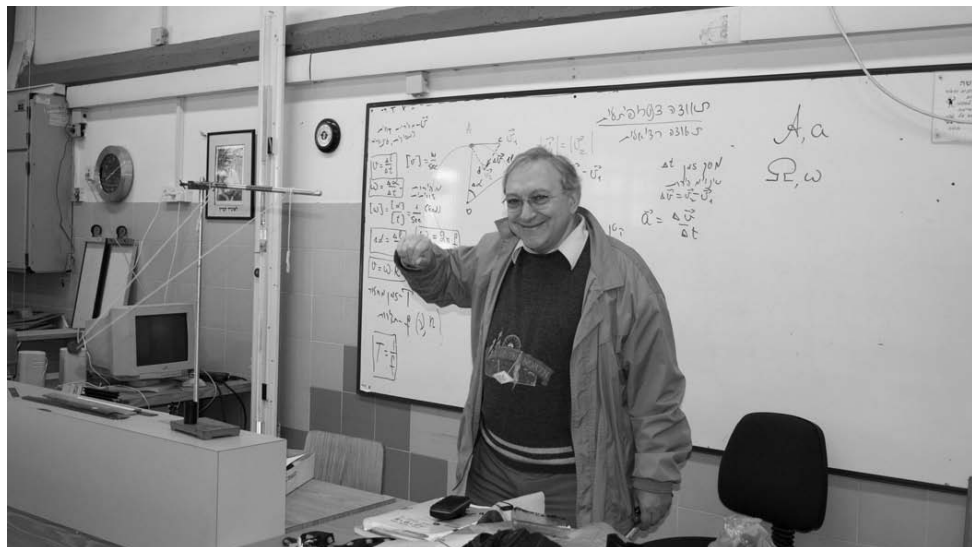
...Связь репатриантов с еврейством случайна, если не считать того, что эти люди знают: они евреи. Пожалуйста, есть много семей старожилов, которые не отмечают пасхальный седер, но они, по крайней мере, отдают себе в этом отчет. Часть наших репатриантов признались в разговоре, что не знают, что принято делать в пасхальную ночь... Это характерно и для нашей компании, но у меня сложилось впечатление, что они хотели бы иметь более тесную связь с еврейством.

...Когда я слушаю это обсуждение праздников, то чувствую в нем нечто парадоксальное. Русские репатрианты, с одной стороны, постоянно обвиняют израильтян в том, что они «бескультурны», а с другой стороны, те же самые израильтяне сомневаются в еврействе репатриантов, и это на фоне того, что можно охарактеризовать как отсутствие «культурного» отношения к иудаизму, проявляющееся в их поверхностном или безразличном отношении к еврейским праздникам.

Лучший из миров

...Когда мой сын пошел в России в новый садик, где было много детей и прекрасные условия, он проплакал целую неделю, так что я его забрала из этого садика! А здесь, без больших комнат и при плохом освещении, он ходил и ходил и был доволен... Но только до часа дня, может, больше и не надо. Нужно еще заметить, что здесь, если

платить, все совсем по-другому – восемь детей на воспитательницу. В России мы ничего не платили, а здесь частный садик стоит по крайней мере полторы тысячи шекелей... Я только хочу сказать, что тут решает личный фактор, все зависит от того, кто воспитательница. И здесь, и там.

...В тот момент, когда был задан вопрос о песнях детства, немедленно создалась амбивалентная динамика. Каждый на эмоциональном уровне потянулся к своим истокам. Все мы были детьми, и это для нас нечто очень личное и чувствительное, но есть различия как в этой связи с детством, так и в отрыве от него. Тут я хочу вспомнить пример из Библии о месте, которое назвал бы отчим домом. Вам, конечно, знаком стих из 12-й главы Книги Бытия: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе». Отчий дом – это очень важная вещь, и я подумал о вас, об отрыве – это, наверно, то, что вы испытываете на наших встречах, а возможно, и вообще после переезда в Израиль. Одно из толкований этого стиха говорит о более личностном человеческом пути. Постепенный переход от «земли твоей» к «родству твоему» и к «дому отца твоего» – это путь от внешнего к внутреннему, выведение человека из его мира, его страны и родни, из наиболее частного места, во что-то универсальное*4. И в этом величие этого события, потому что в конце концов Аврааму говорится: «И благословятся в тебе все племена земные». Он вышел вовне и создал новый мир. Это необходимый выход или отрыв. Но в частном, лично-эмоциональном плане мы знаем, что оставить страну гораздо легче, чем родню, но труднее всего оставить отчий дом. Когда уходят, порядок действий в этом стихе должен быть, казалось бы, обратным, ведь сначала мы

---

4 Так в тексте, хотя, следуя тексту Библии, переход осуществляется «от родства твоего» и «из дома отца твоего», а не «к родству» и не «к дому» (Прим. ред.).

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

расстаемся с малой ячейкой и только потом со страной. Но в Писании этот порядок оправдан с точки зрения этого прекрасного комментария, носящего психологический характер: речь идет не о физическом отдалении, но о духовном, движущемся извне вовнутрь. Отрыв от отчего дома – самый трудный, потому что с этим наша связь, в сущности, не прерывается. И это очень связано с песнями, которые вы пели, это пейзаж вашей родины, и более того – это детство, самое сокровенное в нас... Когда я слышала, как вы поете все вместе, я почувствовала, что это – ваше прошлое, то, что вас объединяет. Это вызывает много притяжения и одновременно много отторжения... я не чувствую, что в нашей компании, среди израильтян, есть такое же единство. Например, для меня детский сад – это нечто стершееся, я не помню ни воспитательницы, ни самого сада и уж конечно не помню песни. Мое детство прошло на улице, в игре в классики и в пять камешков...

...Нас почему-то понесло тут к какому-то противостоянию лагерей, к какому-то спору. То, что пытались представить чем-то прекрасным, радостью жизни, даже в песнях, мы повернули в сторону жесткой дисциплины и диктатуры, а то, что мы представили как свободу, один из нас повернул в сторону распушенности, анархизма. И это оставило у меня тяжелое ощущение. Ведь я знаю, и это следует также из ваших рассказов, что вовсе не все было там таким розовым, и мне, сабре, тоже открываются многие мрачные стороны израильского общества. Я пришла на эту встречу как раз для того, чтобы немного выйти за пределы своих установок и чтобы люди, приехавшие сюда, узнали и о том хорошем, что есть в нашей системе, в том, как мы действуем.

...Вопрос в том, как взять лучшее из двух миров и в процессе эволюции выпестовать лучшего израильтянина. Но чтобы выпестовать, надо понять существующее и выявить проблему. У некоторых старожилов, присутствующих на этой встрече, есть ощущение, что новые репатрианты испытывают чувство превосходства перед израильским обществом. Это выражается в высказываниях о том, что общество здесь лишено культуры, а есть лишь «рыночная культура». Это приводит к излишним конфликтам и недостаточной конструктивности. С обеих сторон были выдвинуты обвинения, с одной стороны – в нахальстве, избытке спонтанности и эгоизме, а с другой стороны – в конформизме, в непричастности и зазнайстве. Конфликт определяется оценкой: с одной стороны, ребенок, влезаящий в разговор взрослых, распушен и невоспитан, а с другой стороны, тот же самый ребенок воспринимается как живой, здоровый, и именно потому, что он не признает границ.

...Я должна сказать, что наши встречи заставляют меня думать. Я много предавалась воспоминаниям... Они не всегда приятны... Я спросила свою девятнадцатилетнюю дочь, которая как раз сейчас в армии: «Что ты помнишь из своего детского сада в России?» – «Детский сад, – ответила она мне, – был армией!» Кто-то рассказал здесь, что вообще забыл свой детский сад, но я-то как раз помню и немного более поздний период: мы в летнем лагере после первого или второго класса, и вожатые там были профессиональными воспитательницами, для которых это стало возможностью подзаработать. Так у нас один мальчик обмочился в постели, и его заставили

пройти с простыней между двумя рядами детей, а он плакал и кричал: «Я больше не буду писать!» Интересно, что я до сего дня помню эту сцену, но ни тогда, ни даже будучи взрослой я не думала, что тут что-то не в порядке... я не считала, что это что-то из ряда вон выходящее, и больше всего хотела быть «как все», этому нас ведь и учили. Может быть, нас и учили быть ответственными, но мы потеряли что-то более важное в своем эмоциональном развитии – личность. Ведь то, что я думаю, – важно, и то, что я делаю, – важно. Меня приучали к тому, что я обязана быть «как все», и этот страх оказаться вне коллектива сопровождает меня всю жизнь. И я вижу, что мои дети относятся к этому уже по-другому. Это тот процесс, который начался у моих детей в Израиле, куда они приехали маленькими. Вдруг моя дочь может сказать мне: «Мама, я не согласна...» Когда я начинала преподавать, мне было очень трудно с этой открытостью. Ученики говорили мне: «не понимаю», «ты плохая учительница», «тебе не учить надо, а полы мыть». После такой «открытости» я просто не могла на следующий день преподавать. Сегодня как раз эта открытость мне кажется просто прекрасной. Я прихожу на работу, и мне открыто говорят комплименты, интересуются: «ты прекрасно выглядишь!», «это новое?», «ты постриглась?», «с обновкой!». Мы изменились. Двадцать лет назад мы, русские, сидели и ни на что не реагировали.

...Если что и заставляет задуматься, так это бросающееся в глаза отличие. Ребенок в русском садике привыкает к тому, что его не оставляют в покое, к нему все время «пристают». Он привычен к тому, что взрослые к нему прислушиваются. Он привык расти в считающемся с ним мире, в мире, который ребенок, растущий в израильском садике, возможно, потерял, или от него требуется самому создать его. Израильский ребенок растет в мире, полном всевозможных соблазнов, и очень скоро приходит в состояние, в котором его уже ничем не пронять. Если взрослый что-то вдруг ему посоветует, реакция, как правило, циничная. И вместо того чтобы взрослые «приставали» к нему, он «пристает» к ним. В лучшем случае...

Воспоминания встречаются

...Я-то ожидала услышать от репатриантов классическую историю о Катастрофе, замешанную на антисемитизме, на взаимной отчужденности евреев и неевреев, на памяти о Катастрофе, определяющей еврейскую самоидентификацию и новую израильскую самоидентификацию. А также об отмежевании от Европы как емкой формулы человеческого и еврейского существования, может быть, с какими-то характерными местными чертами русско-еврейской общины. Я ожидала также вашей солидарности с этой историей в том виде, в каком ее представили старожилы, но то, что я услышала, было совершенно иным. Уже в первой дискуссии по поводу Катастрофы обнаружилась позиция неожиданная, чтобы не сказать противоположная тому восприятию, которое существует в израильской действительности, в школе и в обществе, а возможно, и восприятию Катастрофы во всем еврейском мире.

...Когда я проводила с еврейскими школьниками из Санкт-Петербурга экскурсию по Аушвицу, я поняла, что все гораздо сложнее. Сегодня существует столкновение между различными нарративами Катастрофы, и это выражается в том, что, говоря «Ошвиц», мы пользуемся английским вариантом произношения, который связывается с сионистским восприятием Катастрофы. Говорящие по-русски называют это место попольски: «Освенцим», и это явственно связывается с «русско-европейским» восприятием евреев России. Между этими двумя названиями есть эмоциональное различие, и различие нарративов выражает различие названий. Есть прямая угроза русско-еврейской самоидентификации в восприятии Катастрофы как явления, вскрывающего подлинные границы западной культуры, потому что главный конфликт в русской культуре – это конфликт между Европой и Азией. Российские евреи, по определению, тяготеют к европейской ориентации России в противовес «азиатчине». И если их лишают европейской составляющей их самоидентификации, они возмущаются.

...Русская версия поставила мировую войну прежде Катастрофы. Катастрофа была следствием войны. История войны стала историей победы европейского гуманизма, герой которого – русский народ. Семейный контекст только усиливал эту тенденцию. Это, конечно, также история про антисемитизм, но в том смысле, что евреям не воздали должного за их относительную долю в войне. Старожилы, напротив, ожидали абсолютного почтения к этой теме. Прежде всего речь идет о чем-то специфически еврейском, связанном также с самосознанием сабры и возрождением народа в его стране. Это требует серьезного отношения, едва ли не молчания. Торжественная церемония – это идеальная возможность для израильянина выразить свою связь с Катастрофой. Младшее поколение воспринимает Катастрофу также и как мост между саброй и универсальным человеком. Она становится частью этоса восприятия слабого.

...Тема Катастрофы вызвала у меня надежду на объединяющую встречу, без конфликтов, на что-то такое, что выражает еврейский консенсус, но задним числом выяснилось, что у групповых различий в отношении к теме есть очень глубокое основание. Эта тема оказалась, пожалуй, наиболее сложной из всех, что были подняты на наших встречах, но, может быть, именно поэтому и наиболее стимулирующей и поучительной. Изза священного трепета, с которым относятся к теме Катастрофы, участники, похоже, еще больше постарались понять возникшие противоречия и преодолеть их. По свидетельству участников, эти встречи и эта тема в особенности вызвали у всех реакцию, о которой они иногда говорили: «Я много думал после последней встречи». То есть все сказанное стало введением во внутренний процесс, приведший также к некоторому изменению позиций и их кристаллизации.

...Мне было трудно принять позицию репатриантов потому, что мы действительно превращаем Катастрофу в мемориальный культ, в некую святыню и даже думаем о ней в религиозных терминах, а тут, пожалуйста, есть евреи, которые не вполне с этим согласны. Мне лично очень трудно с этим справиться.

...Мое отношение и мои знания не изменились с тех пор, как я приехала в Израиль. Но здесь я получила два крепких удара, и оба – в связи с Катастрофой. Когда я разговариваю с семьями старожилов, которые сами пережили Катастрофу, они говорят со мной в корректной форме, потому что чувствуют: мы с ними из одного места и пережили одно и то же. Но есть другая часть населения, те, чье знание Катастрофы – книжное, или им об этом рассказывали в школе, и именно они пытаются учить меня тому, что такое Катастрофа, и как я должна к ней относиться, и как себя вести, будто то, что я знаю, ничего не стоит. И вот я спрашиваю: кто знает больше – соседка из Индии, которая не имеет никакого отношения к тому, что происходило на этой войне, а говорит мне: «Вы, русские, не знаете, что такое Катастрофа для еврейского народа», или я? И второе: моя мама осталась в живых только благодаря украинской семье, которая ее спасла. Когда я приехала в Израиль, то услышала про Яд ва-Шем и про «Лес праведников мира» и попыталась рассказать эту семейную историю. Я обратилась к нескольким людям и, среди прочих, к одной женщине из мэрии. Реакция была такая: «Прежде всего выучи иврит. А потом мы что-нибудь сделаем...» Я почувствовала, что здесь моя Катастрофа не нужна.

...Я поняла, что различия между двумя нашими группами в отношении к Катастрофе сказываются на отношении к западной культуре и культуре вообще. Для израильтян полная солидаризация с Европой всегда представляла проблему. В их историческом сознании Европа – колыбель антисемитизма, и это – существенная часть сионистского этоса и израильской самоидентификации.

...Кто-то здесь заявил, что нужно понимать: для каждого русскоговорящего ребенка Катастрофа – нечто само собой разумеющееся, и этим он отличается от израильтян восточного происхождения, не связанных с нею напрямую. Я с таким подходом не согласна. Катастрофа была специфически еврейской, и эта специфика затуманена в советской версии. Репатрианты, которые росли и воспитывались в России, должны восполнить для себя то, что замалчивалось советским режимом.

...Репатрианты тут представили нам такую точку зрения, что Катастрофа – это часть мировой войны, то есть – не специфически еврейское явление. Это еще и вопрос пропорций – что именно считать «еврейским» в этом общем контексте. Такой подход меня сначала рассердил, потому что в моем, израильском, воспитании порядок был обратным: еврейская Катастрофа – это и есть война. Это, вероятно, – следствие недостатка наших, израильских, знаний. Мы не очень-то глубоко вникаем в детали истории. Хотя я, учащаяся с гуманитарным уклоном, и знала немного больше других, которые вообще ничего не знали. В конце концов я увидела – что-то есть в таком подходе репатриантов, в том, что они говорят. Ведь и мы искажаем картину. Я думаю, было бы неверным отмахнуться от подобной трактовки. Разрыв в наших версиях не очень-то разумен.

...Я отделяю официальное отношение к этой войне, согласно которому нацистские убийства были ее частью, и так это внедрялось в сознание системой образования, от того, которое сложилось в нашей еврейской семье – там-то существовало понятие

«Катастрофа», хотя бы в латентной форме. До моего приезда в Израиль я знала, что в войне пострадали все – весь советский народ и вся Европа. Но в семье мы знали, что если кто-то страдал, то евреи всегда страдали больше и к тому же их убивали только за то, что они евреи. Моя бабушка была членом партии и заместительницей председателя горисполкома в Ростове-на-Дону. Во время войны ей сообщили по секрету, что немцы уничтожают евреев, и эвакуировали ее в Ташкент. Эта секретность означает, что всем евреям не сообщали, что они в большей опасности, чем другие, и ничего не делали для того, чтобы эвакуировать их в первую очередь. И еще: семья моего дедушки, а они были крымчаки, то есть «раввинистические евреи», вся погибла там. Но в Крыму была еще довольно большая караимская община, и они остались в живых. Я должна сказать, что, только приехав в Израиль, поняла большое различие между евреями и всеми остальными – только нас уничтожали за то, что мы евреи.

...Я как раз чувствовала в разговоре, что еврейство русскоговорящих ощутимее нашего. Они рассказали о том, как сохраняли свою еврейскую сущность. Одна женщина все время подчеркивала в своем выступлении постоянную необходимость решать проблемы, связанные именно с их еврейством. Они эту ситуацию, конечно, назвали еврейской долей в русской судьбе. Мы же, напротив, отнеслись к тому, что произошло в мировой войне, как евреи, чьи родители пережили опыт Катастрофы. Подход репатриантов вовсе не обязательно выражает отчуждение. Например, я видела, что на церемонии Дня Катастрофы некоторые из них плакали, во всяком случае, испытывали сильные чувства, может быть, переживали «израильский опыт», то есть – связь существует, или она возникла...

...Я думаю, что понимаю эмоциональное отношение репатриантов к этой теме. Прежде всего значительная их часть – не евреи, и я не жду от них таких же реакций, как наши. У меня есть ощущение, что тема дешевизны человеческой жизни ими вообще принимается с большим пониманием, чем старожилками. Они испытали массовые убийства Сталина, поэтому Катастрофа для них – еще одно массовое убийство, а потому и не такое драматичное, как для нас. Да и поколение детей, которые учатся сегодня, уже удалилось во времени от той войны, лишь у немногих есть родственники, пережившие ее. Иногда я думаю, что у людей, приехавших оттуда, гораздо больше, чем у нас, душевных сил для восприятия террора и смерти, и это, наверное, хорошо.

Столкновение педагогических идеалов

Учителя-старожилы против концепции школы как источника знаний

...На меня производит большое впечатление, насколько приверженность репатриантов физике и математике коренится в советской и даже в еврейско-советской жизни. Но у меня вопрос: может ли это продолжаться в отрыве от того контекста? Сегодняшний Израиль настолько отличается от вчерашнего советского общества, что мне трудно поверить, будто эту приверженность можно перенести сюда, несмотря на желание сохранить культурный багаж, привезенный сюда репатриантами. Возможно, положение в преподавании физики и математики в Израиле улучшилось с увеличением учительских кадров, столь преданных этим предметам, но не намного. Я не верю, что даже в «теплице» «Шевах-Мофета» эта тенденция продержится долгое время. Верно, здесь говорят о выращивании «научной смены» для Израиля, но чем больше наши ученики врастают в израильское общество, тем больше их устремления изменяются, и даже они не считают само собой разумеющимся желание стать «научной сменой». А что будет, когда поколение учителей репатриантов выйдет на пенсию?

...По-моему, еще рано что-либо решать. Как вы помните, слияния «Мофета» и «Шеваха» на самом деле не произошло. В «Мофете» дети учились в отдельных классах и перешли из средних классов в старший, а когда они попали туда, учеников прежней школы «Шевах» уже стало значительно меньше. В результате наша школа

состоит исключительно из репатриантов или детей репатриантов. Конфликт и процесс слияния здесь происходили по-другому – не между разными слоями общества, не в общественном взаимодействии, а как внутренний процесс. Ведь учеба шла по программе израильского Министерства образования и большинство учителей было старожилами. Вопрос, связанный со слиянием, заключается не в статусе предметов вроде физики и математики в учебной программе. Он касается в основном того, каким образом израильские учителя приспособливают свое преподавание к соответствующим представлениям репатриантов. Например, изменяют ориентацию в преподавании Танаха, а также выбирают более подходящую форму изучения израильской действительности для учащихся-репатриантов.

...На нашей встрече с учителями-репатриантами выяснилось, что иногда наши концепции противоречили одна другой и что педагогические идеалы репатриантов часто были несовместимы с нашими.

...Между классными занятиями и неформальным обучением постоянно происходит столкновение. Это легитимная борьба – школа имеет обязательства, прежде всего перед родителями, обеспечить должный уровень знаний для аттестата зрелости. Я чувствую, что родители и учителя из бывшего Советского Союза иногда едины в своей реакции на это столкновение. Им кажется, все должно быть направлено на то, чтобы дать знания и получить знания. Это для них главное. С их точки зрения, все уроки, посвященные неформальному обучению, неравноценны прямому учебному процессу.

...Это мы прекрасно видели во время посещения школы № 2 в Москве. Там гордились, что даже на перемене ученики занимаются решением математических задач. Пожалуйста, там даже неформальные, казалось бы, рамки перемен становятся формальными!

...Израильские учителя тоже находятся в постоянной борьбе за достижение высокого уровня успеваемости, но они лучше понимают обязанность школы прививать учащимся определенные ценности. Для репатриантов школа – это скорее инструмент для приобретения знаний. Школа, согласно такому критерию, заявляет: «Здесь учатся». По-моему, когда ученикам преподают курс о равенстве полов, о наркотиках, когда они проходят курс боевого наследия и прочее, они учатся ничуть не меньше. И чем больше лет учитель-репатриант находится в школе, тем лучше он понимает необходимость неформального обучения.

...Я согласна, что программы неформального обучения очень важны, и ясно, что для них необходимо найти место в системе занятий. Но зачем делать это вне обычной системы? Трения между системами иногда невыносимы. Это, конечно, связано с моим личным ученическим опытом. В той школе, где я училась, нельзя было вообразить, например, учеников, бродящих по коридорам во время занятий. Во время урока в школе царил полная тишина. В русской школе, насколько я помню, не бывает так, что с обычного урока забирают ученика, а то и целый класс. Обучение, которое называется здесь «неформальным», всегда происходило в кружках

после школьных занятий, и даже репетиции спектаклей и церемоний проводили после уроков. Насколько мне помнится, в течение учебного года не устраивали турпоходов. Если это делали – то во время летних каникул.

...Мне представляется, что обучение – это коллективный процесс, учитель и ученики действуют как единое целое. Если из этого целого изымают части, остается нечто неполноценное. Математика особенно, но не только она требует последовательности и непрерывности. Ведь она – царица наук, она пользуется наиболее формализованным, наиболее абстрактным языком, организует мышление. Школьная система должна быть более гибкой, чтобы поддерживать эту целостность. Когда я слышу, как ученик, который получил освобождение от урока для каких-то других дел внутри школы, говорит: «Я наверстаю материал», то всегда закипаю. Учитель ведь вроде дирижера оркестра, который в этот момент должен отказаться от одного из оркестрантов. Как такое вообще возможно? В моей школе нам привили осознание того, что учение – это не пустое занятие, потому что и мы не пустые, мы пришли в этот мир, чтобы работать, учиться и понимать. Короче говоря, чтоо делать...

...По-моему, это спор не между старожилыми и репатриантами, потому что он всегда происходит в конкретной связи с определенным уроком, который отменили, или с учителем, который почувствовал, что его предмет особенно пострадал. В школьной практике постоянно происходят споры о месте общественного обучения, то есть о преподавании предметов, которые не входят в обычную систему занятий. Для изучения таких тем, как «Безопасность движения», «Наркотики и алкоголь», «Подготовка к армии», «Сексуальное воспитание» и прочих, так же как и для внеклассных мероприятий вроде походов, театральных представлений и музыкальных выступлений, часто отменяют обычные уроки. Спор идет в основном о технических вопросах. Учитель не хочет терять часы классных занятий, он жалуется на невозможность уложиться в оставшееся для подачи материала время. Во всяком случае, сталкиваются обязательные и дополнительные предметы. На самом деле почти

все дополнительные курсы в школе по-прежнему несут на своих плечах несколько учителей-старожилых, и именно поэтому репатрианты и старожилы иногда оказываются по разные стороны баррикады.

...Что такое неформальное обучение? Это общее название для всех мероприятий, которые не являются уроками по системе «учитель – ученик» и не связаны с экзаменами и оценками. Термин «неформальное» ничего не определяет. Есть школы, в которых существует предмет под названием «Приспособленность к жизни», включающий в себя всё. В нашей школе неформальные мероприятия появляются в проспекте к началу учебного года как воспитательная программа, неотъемлемая часть программы учебной, не уступающая по важности прочим занятиям. Учащимся сообщают, что к отсутствующим на этих мероприятиях будут применять меры дисциплинарного взыскания.

...Работа по неформальным темам тщательно выстроена. Мы работаем группой, в которую входят консультанты, методисты общественного воспитания и руковод-

ство, чтобы преодолевать иногда неизбежные столкновения с регулярной системой школьного образования.

...Учителя из бывшего Советского Союза считают общественную деятельность в целом помехой. Сегодня, например, четверо учителей отчитали меня за то, что я провела мероприятие за счет урока математики. Должна напомнить, что в наших средних классах на математику отведено восемь часов в неделю. Любое неформальное мероприятие так или иначе придется на такой урок.

...Мы можем бесконечно спорить на эти темы, но тем временем выясняется, что какие-то изменения происходят на практике. С одной стороны, педагогическая инициатива учителей из России не ограничилась «Шевах-Мофетом». В Израиле уже существует целая сеть школ и дополнительных программ, действующих в духе педагогической концепции репатриантов, и израильское общество начинает присматриваться к этим инициативам. С другой стороны, мы видели, как повлияла связь с Израилем и работа с израильтянами на деятельность еврейской школы Липмана в Москве. Плоды этого сотрудничества заметны и в том интересе, который проявляют к школе Липмана российские нееврейские педагоги. Быть может, за этим будущее...

Какова ваша первая ассоциация со словом «христианство»?

...Моя первая ассоциация с христианством связана с посещением петербургских соборов. Эти посещения не имели никакого религиозного значения, потому что церкви были частью нашей культуры. В советскую эпоху они были в большей степени музеями, чем домами молитвы. В тот период наше атеистическое мировоззрение совпадало с мировоззрением властей. Поэтому христианство не возбуждает во мне антагонизма, и мое отношение к нему совершенно либерально. В общем, христианская символика не вызывает во мне какой-то особенной реакции, я не возражаю против любых символов, включая крест. Образ Иисуса не имеет ко мне отношения. По мне, это человек, вышедший из иудаизма. Уж если на то пошло, то у меня как раз есть проблемы с исламом, непосредственно связанным с террором. Что касается иудаизма, то, на мой взгляд, если человек – не еврей по религиозному Закону, но самоидентифицируется с этим государством и считает его своей родиной, то он – полноценный еврей. Явление ассимиляции, по-моему, очень печально, но я не знаю, как этого можно избежать. Я хотела бы, чтобы мой мальчик женился на еврейке, но я не стану мешать его браку из-за религиозных различий, если он встретит хорошую женщину.

...Я выросла в доме, где у слова «гой»⁵ была отрицательная окраска. Я воспринималась на том, что мы отделены от «гоев» и что мы лучше них. Нас все время предупреждали, чтобы мы не были как «гой». В школе, когда я учила поэму Черниковского «Барух из Майнца»⁶, мне был понятен отрывок, описывающий чувство неприятия, которое испытывал герой поэмы по отношению к христианским статуям. Я ощущала эту отчужденность и эту эмоциональную подавленность. В нерелигиозных школах, в особенности на уроках литературы, сильно подчеркивалась идея еврейской исключительности, происходило резкое разделение на «наших» и «чужих», на евреев и «гоев». Но надо помнить, что все это было связано с памятью о только что произошедшей Катастрофе. Дома «гой» тоже считался бездушным, таким Исавом. И вместе с тем были годы, когда я любила заходить в церкви и наслаждаться искусством. Но сейчас я уже испытываю пресыщение. Если я не захожу в церковь, то это не из антихристианских чувств. Вместе с тем у меня очень теплое отношение к нашей религии, к синагоге, которую я посещала в детстве. Я помню, как ходила туда с бабушкой и любила атмосферу святости. Что касается смешанных браков, то я

---

⁵ Гой – нееврей, в библейском иврите – всякий народ, в том числе и еврейский (см., например: Бытие 35:11: «Народ и множество народов будет от тебя»).

⁶ Шауль Черниковский (1875 – 1943) родился в деревне Михайловка на Украине, приехал в Эрец Исраэль в 1931 году и скончался в Иерусалиме. В 1899 – 1903 годах изучал медицину в Гейдельберге и там же написал некоторые из своих важнейших произведений, в том числе многостраничную поэму «Барух из Магенцы» (1902). Эта поэма основана на событиях, происходивших во время первого крестового похода в городе Магенца, он же Майнц на Рейне, и описанных современником в записках «История о хасиде по имени Исаак, который крестился по слабоволию и со страха, но потом, вернувшись из церкви и обнаружив, что жена его убита, заперся в своем доме и решил “искупить” грех своего крещения страшным деянием: он взял своих сына и дочь в синагогу и там зарезал их пред ковчегом Завета, вернулся в свой дом и поджег его, а затем вернулся в синагогу и поджег и ее. Огонь распространился повсюду и сжег и его самого во время молитвы. После этого вышел оттуда огонь и сжег также изрядную часть города». Эти события, при изменении некоторых деталей, отражены в поэме, но в качестве фона. Произведение написано в форме монолога-исповеди героя по имени Барух, произнесенного под покровом ночи у могилы жены. Герой рассказывает о случившемся, и прежде всего о страшном убийстве своих дочерей, как о последствиях травматичного столкновения с чужой религией, жестоко навязавшей ему свою волю: «Каменные статуи немые, холодные / стояли у стен, / и дыры-глаза их усталились на меня: / камень мы и нет у нас сердца – / камень – величие и сила, / под каменной нашей пятою / весь мир прострется ниц».

В монологе вплетены элегические воспоминания об утраченном семейном счастье, противостоящие ужасу настоящего, которые начинаются с церемонии бар мицвы. Еврейский мир предстает как полный чувства и человечности в противоположность холодному камню и глазам-дырам христианских статуй, но это только фон главного события – мести. Идея мести постепенно возникает по ходу поэмы: прежде всего к герою приходит осознание, что страшное убийство дочерей словно и не его рук дело, а далее описаны ужасные видения, в которых Барух и его жена принимают образ вампиров, пьющих кровь врагов. Однако вершина мести наступает, когда воображаемое уступает место реальному. Барух поджигает монастырь, в котором принял крещение, и пожар распространяется на весь город. Мечь избражается как великое душевное избавление. На десятках страниц поэмы описываются языки пламени и клубы дыма и радость героя при виде разрушений и гибели врагов. Поэма заканчивается безумным призывом Баруха к мертвой жене выйти из холодной могилы и согреться у пламени пожара.

Это произведение изучалось в первые десятилетия израильской системы образования с акцентом на национальном аспекте и особенно на праве евреев на независимость и власть. В семидесятые годы его изъяли из учебной программы.

против них, хотя я и не религиозна. Мои подруги, совершенно нерелигиозные, тоже обычно выражают полное неприятие этого, в том числе из практических соображений: это помешает вписаться в нормальную жизнь общества или вызовет разрыв с семьей. То, что дети в школе носят христианские символы, я сегодня воспринимаю с пониманием – это, в конце концов, отражает их состояние, это бунт или желание подчеркнуть свою иную самоидентификацию. Вместе с тем на принципиальном уровне мне мешает, что тот, кого я принимаю, не принимает меня. Мешает иногда встречающееся отчуждение учеников от еврейской и израильской культуры.

...Моя первая ассоциация с христианством – Новый Завет, который я читала прежде, чем прочла еврейскую Библию. Я не относилась к нему как к религиозной книге. Поскольку мы находились в атеистическом государстве, не возникало никакого антагонизма между нами и христианством. Религия вообще не играла особой роли в нашей жизни. Иудаизм нас тоже не очень-то занимал. Да и окружающая нас среда не воспринимала религию как что-то особенно важное. Мы, конечно, не отмечали христианские праздники – это было прежде всего неинтересно. На Пасху мы иногда видели праздничные символы, вроде крашенных яиц, на работе и у друзей. Я не припомню, чтобы в еврейских домах существовали какие-то христианские обычаи. Мы на Новый год никогда не ставили елку. Вот и сегодня у меня нет специфического отношения к христианству. Я знаю, что евреи из азиатских республик теснее связаны с религией, и, по-моему, это вызвано более низким уровнем образования.

...У меня нет никакого особого отношения к христианству. До приезда в Израиль в восьмидесятые годы я жила среди христиан, у меня были христианские подруги, и с самим христианством у меня нет никакого конфликта. Тот факт, что я на определенном этапе вернулась к еврейской религии, тоже не повлиял на это отношение. Живя в России, я иногда заходила в церкви. Я знаю, что у сабр есть неприязненное отношение к христианству и его символам. По-моему, это вызвано также и невежеством.

...Хотя я изучаю историю, мои первые ассоциации с христианством – отрицательные. Остатки отрицательного отношения к христианству у меня сохранились, видимо, в результате школьного воспитания здесь, в Израиле. Это не вызывает во мне резких реакций, но так оно есть, хотя это и не рационально. Крест мне неприятен. В то же время елка как раз пробуждает у меня симпатию, ощущение семейной атмосферы. Сегодня мне нравится бродить по церквям из эстетического удовольствия и исторического интереса.

...Когда я слышу слово «христианство», то вспоминаю, что в доме, где я росла, к нему было очень неприязненное отношение. Христиане были «гоями», мои родители всегда называли их именно этим словом. К арабам, например, так не относились. Однажды я заметила в разговоре со своей тетей, что могу себе представить, что кто-то из моих детей женится на христианке, и она содрогнулась и не захотела об этом слышать. Лично меня это очень интересует, в рамках годичного курса повышения квалификации я выбрала себе тему по истории иудео-христианских отношений. За

границей мои родители, конечно, ежедневно соприкасались с «гойями», и я помню, что основную неприязнь вызывала именно «гойка», а не «гой». С одной стороны, она была «беспутна», но в то же время – символ красоты и здоровья. Я всегда слышала о смешанных браках как о каком-то бедствии, которое нужно предотвратить. Но эта неприязнь, кстати, никогда не касалась религиозных символов.

...Когда я рос, христианство было частью жизни. Мы росли в стране, где православие являлось официальной религией, и мы воспринимали русскую культуру как неразрывную часть собственной культуры, и христианская религиозная культура была частью этого русского культурного сознания. У меня есть друг, который родился в Израиле, и, когда я рассказал ему о поездке в Прагу, где побывал в соборе Святого Вита и восхищался его красотой, он отреагировал с отвращением, а ведь речь идет о нерелигиозном человеке, не соблюдающем субботу. И теперь, когда я нахожусь в Израиле, мое отношение к христианской культуре не изменилось. Более того, я думаю, что в этой религии есть целый ряд вещей, более гуманистических, чем в иудаизме... Я много раз слышал, что религия сохранила еврейский народ, и я с этим не согласен. Между христианством и иудаизмом нет симметрии. Христиане принадлежат к разным народам, и христианство существует тысячи лет, так же, как и иудаизм, в то время как целые народы исчезли. В Израиле для меня есть проблема, связанная с отождествлением религии и национальности. Я вижу множество людей, которые по религиозному Закону не евреи, но по крепости связи с еврейским народом они больше евреи, чем евреи религиозные. На Украине был поэт Лев Квитко, который сказал, что еврей проверяется не той кровью, которая течет в его жилах,

а той, которая из них проливается. То есть еврейство – это больше, чем религия и культура, это судьба.

...В соответствии с воспитанием, которое я получила дома, христианство было тем, к чему нельзя даже прикоснуться, и поэтому я много лет относилась к нему с неприязнью. С годами отношение изменилось. Во время военной службы в системе Нахал⁷ и в кибуце я встречалась с добровольцами, среди которых были христиане, не говоря уже о встрече с немалым числом нееврейских учащихся школы «Шевах». Сегодня я спокойно смотрю на то, что на первой парте напротив меня сидит ученица с крестом на шее, и прихожу к выводу, что мое прежнее мнение было предубеждением. В молодости, помню, у меня была соседка, родители которой принадлежали к секте «Свидетелей Иеговы», и я переняла от всего окружения отношение неприязни к ним.

...Впервые я услышала о пасхальных яйцах от подруги своей мамы, деревенской христианки, думаю, лет в пять. У нас я об этом не слыхала, потому что жила в атеистической среде и у нас дома о религии не говорили. Но когда я спросила маму, почему у нас нет таких вещей, она объяснила мне, что это не наше. Когда я впервые зашла в церковь, это запомнилось мне как нечто интересное, особенное и пугающее. Девочкой я видела изображения распятия на картинах великих художников. Я не совсем понимала, но это вызывало во мне страх, и образ Иисуса меня преследовал. Примерно в восьмилетнем возрасте я узнала, что он был евреем, и я всегда думала о его судьбе как человека и еврея. Тем не менее у меня было ощущение, что христианство и церковь, а также иудаизм и синагога не являются частью моей жизни. Я не была против, но это оставалось неким культурным фоном. Христианские символы не вызывают во мне никакой особенной реакции, однако крест связывается у меня с крестами на кладбищах и именно поэтому действует отталкивающе, но без национальной подоплеки.

...Христианство для меня – это антисемитизм и ненависть к еврейству, это некоторая укорененная религиозная концепция, что победа христианства придет только с уничтожением иудаизма. Я отношу это и к различным евангелистам, и ко всем тем прекрасодушным, кто сегодня якобы приветствует Государство Израиль. Мое отношение к набору этих символов такое же, как к языческим культам. Я разделяю христианство и Иисуса. Для меня Иисус – еврейский пророк, такой, как Иеремия. По правде говоря, подобное отношение к Иисусу – результат прозрения последних лет. Вместе с тем я поражаюсь способности христианской религии обращаться к миру чувств с помощью искусства, соборной архитектуры и культовых ритуалов. Современное христианство – это волк в овечьей шкуре и по своей зловерности не отличается от христианства эпохи инквизиции, просто его внешность стала «культурнее». Мне очень трудно принять тот факт, что некоторые репатрианты празднуют Рождество с елками, а к еврейским праздникам неоднократно проявляли презре-

---

⁷ Ноар Халуц Лохем – подразделения Армии обороны Израиля, проходящие часть службы в сельскохозяйственных поселениях.

ние и неприязнь. Сегодня я лучше понимаю происхождение таких явлений, но это не делает меня терпимее к ним.

...Я отношусь к христианству как ко всякой другой религии в рамках свободного выбора⁸. Помнится, в России, хотя все были атеистами, простой народ всегда праздно

---

⁸ Согласно данным Центрального статистического управления, около ста тысяч из миллиона (10%) репатриантов девяностых годов из бывшего Советского Союза объявляют своей религией христианство. Однако нет оснований считать, что среди них отсутствует еврейская национальная ориентация. Ира Дашевская из общества «Маханаим» утверждает, что около трети репатриантов тех лет всецело считают себя евреями, хотя значительная их часть не является евреями по религиозному Закону. По ее словам, большинство репатриантов девяностых годов оказались между этими двумя полюсами. Всякая попытка прийти к простой и однозначной формуле еврейства русскоязычных репатриантов заканчивается неудачей в силу запутанности ситуации. Например, религиозная и национальная принадлежность русского репатрианта не соответствует простым определениям официальных бланков: «еврей» и «христианин». Государство Израиль определяет как «имеющего право на репатриацию» в рамках закона о возвращении всякого человека, который может доказать причастность к еврейскому народу хотя бы в третьем поколении. В то же время Министерство внутренних дел признает и записывает национальность в удостоверении личности согласно религии репатрианта – то есть мать репатрианта считается еврейкой или он прошел гиюр за границей (включая реформистский гиюр). Различие между двумя определениями позволяет репатриироваться и получить израильское гражданство многим людям, не имеющим права быть записанными евреями (для заключения брака, захоронения и т. д. и т. п.). Официальная политика СССР подчеркивала равенство всех национальностей, одновременно с наложением ограничений на все религии. В официальных удостоверениях записывалась национальность каждого гражданина, но не его вероисповедание, которого предположительно не было. Это, естественно, не меняло антисемитской ориентации значительной части общества и вырабатывало у большинства советских евреев конфликтное и неуравновешенное сознание. С одной стороны, они чувствовали себя гражданами Советского государства, а с другой стороны – дискриминируемым меньшинством.

Вместе с тем, живя в нееврейской среде, евреи имели множество возможностей для смешанных браков. В такой ситуации значительное количество неевреев (по израильским понятиям) было записано в документах евреями. Девушка, чья мать не была еврейкой, считалась «нашей еврейской невестой», а юноши с отцовской фамилией Лифшиц или Абрамович воспринимались советским обществом как евреи и часто страдали от дискриминационной политики режима, так что многие из них даже меняли фамилии. С приездом миллиона репатриантов из бывшего Советского Союза в Израиль создалась новая проблема. Многие из них, считавшие себя евреями и страдавшие от проявлений антисемитизма, обнаружили, что в Израиле они лишены права быть записанными в Министерстве внутренних дел как принадлежащие к еврейскому народу. Исследования основных причин приезда в Израиль показали, что беспокойство за будущее детей было главным мотивом репатриации. Только 37% опрошенных для одного из исследований отметили «желание быть вместе со своим народом» как одну из двух главных причин, побудивших их к переезду. В результате этого большинство репатриантов, не записанных евреями, скрывают свою религию. Они боятся, что если откроют свою религию, то будут уволены с работы, выселены со съемных квартир, это повредит их детям в школе, соседи станут их бойкотировать и, что ужаснее всего, их лишат корзины абсорбции.

Подобное положение усложняет жизнь подростокрепатриантов в Израиле, в особенности детей от смешанных браков. Среди таких юношей распространено мнение, что они могут вписаться в еврейское общество, женившись на «кошерной» еврейке. С другой стороны, у части подростков могут возникать крайние реакции в тех ситуациях, когда от них ожидается проявление израильского самосознания (при праздновании Дня независимости, при призыве в армию и т. д. и т. п.). Нужно иметь в виду, что большинство этих подростков не обрезано, в результате чего могут возникать неприятные для них ситуации. Мы благодарим профессора Ларису Фиалкову за разъяснение подробностей в данном примечании.

вал христианские праздники. Меня ничто не связывало с религией, даже в церкви я не заходила. В церкви собиралось много людей, а я всегда сторонилась толпы. К смешанным бракам у меня подход практический. Обе стороны, на мой взгляд, должны избрать единую религию. Сама я не соглашусь на смешанный брак своих детей, если их партнеры не пройдут гиюр⁹. Могут быть друзья христиане, но не семья, потому что в семье необходима глубокая общность, взаимопонимание. Но это мои принципы, у меня нет проблем с другими людьми, живущими в смешанных браках.

...Я воспринимаю христианство прежде всего в рамках плюралистического мировоззрения. Оно появилось во мне благодаря отцу. Он был человеком правых взглядов, человеком Эцеля и членом кнессета от партии Херут, но говорил, что политика – это грязное дело, и поэтому старался не допускать ее в дом. В школе меня дразнили «ревизионисткой». Впоследствии мы с сестрой стали левыми, сестра даже – крайне левой, но папа принимал нас, хотя и оставался правым. Может быть, поэтому я так толерантна. По поводу личной встречи с христианами – это, по моему опыту, даже было приятно, и поэтому я не вижу автоматической связи между христианством и антисемитизмом. И напротив, мое соприкосновение со значительной частью религиозных евреев в нашем обществе, через семью моего мужа, куда более проблематично. Речь идет о культуре, которая живет за мой счет. Я имею в виду ультра-ортодоксов и поселенцев. Это вызывает гораздо больше возмущения, чем исторические отношения с христианством. Христианство – просто еще одна религия. Как плюралистически мыслящий человек я не могу быть против него до тех пор, пока оно меня не ущемляет. Хотя я и не была бы счастлива, если бы моя дочь вышла замуж за нееврея, но думаю, что, в конце концов, счастье человека важнее традиций. Я не радуюсь тому, что дети в школе носят кресты, но я не стала бы им ничего навязывать. Для меня действительно важно, чтобы они исполняли свой гражданский долг. Повторяю, я не вижу непрременной связи между христианством и антисемитизмом и мне несвойственна ненависть к гоям.

Семен Катин

Меня зовут Семеном. Я закончил «Шевах» в 2002–2003-м. Приехал я со всей семьей в 1993-м и, естественно, после нескольких недель акклиматизации отправился в израильскую школу. Мы в то время жили в Рамат-Гане, и я пошел в школу имени Януша Корчака. В этой школе никто не имел представления, кто такой Корчак и что это за странное имя.

Там начались проблемы адаптации. Первая проблема, естественно, – проблема языка. Вторая проблема – «рубашка, заправленная в штаны», а третья – «носки под сандалиями». Может быть, это и смешно, когда мальчишка одевается не как все.

---

⁹ Процесс обращения в иудаизм, включающий в себя не только принятие религии, но и приобщение к еврейскому народу.

Однако не стоит над этим насмехаться. Так что между репатриантами и старожилами не все было гладко. Назовем это так.

Когда я пришел в школу, в моем классе был парень, приехавший с Украины. Я пришел в третий класс, а он там был с детского сада. Он приехал за три года до меня. Почему-то ему было трудно произносить мое имя, поэтому он решил прозвать меня «вонючим русским». Я не слишком-то знал иврит, но понял, что это нечто не вполне позитивное. Почти на каждом уроке повторялась одна и та же картина. Я вскакивал, хватал этого парня и бил его об стенку, пока нас не пересадили – вместе, чтобы он мог мне переводить, – в середину класса. Там стенки уже не было.

Проблема языка решилась очень быстро. Мне было восемь лет, а в этом возрасте довольно быстро усваивают языки. Так что с занятиями у меня проблем не возникало, но проблема «рубашки, заправленной в штаны» и прочих подобных вещей осталась. Я смотрел, например, на парня, который считался нормальным, и спрашивал себя: «Почему он нормальный, а я нет?» Этот парень не мог двух слов связать по-русски, он совсем потерял все русское и поэтому стал нормальным. Я этого сделать не мог. Просто не способен был вот так все бросить. Не то чтобы за этим стояла какая-то великая идея. Я просто понял, что на это не готов. Мне не удалось отказаться от «рубашки, заправленной в штаны». Местами я начал чувствовать, что когда пытаюсь подражать, то меня куда-то уносит, мне не по себе, я перестаю быть самим собой.

В восьмом классе меня решили перевести в «Шевах». Рубашка моя по-прежнему была заправлена в штаны, но там над этим не смеялись. Правда, перевели меня в «Шевах» по причинам, не связанным с моими отношениями в коллективе. Дело было в образовании. Моя бабушка давила на нас: «Это хороший занятие, ребенок идти учиться туда!» Так сказала бабушка, и решено было с ней не спорить и отправить меня туда.

В «Шевахе» никто от меня ничего не требовал, никто не ожидал, что я переменюсь. Никто не ожидал, что я брошу, забуду, расстанусь с прошлым, с тем, чем я был. Наоборот, мне рассказывали, что Израиль – это то-то и то-то. Много из этого я уже знал, ведь я все-таки учился в израильской школе. Но возможность оставаться самим собой и вместе с тем быть частью общего, быть нормальным – это очень важно в молодости. Это то, что «Шевах» изменил во мне. Я закончил обучение, получил аттестат. Вот такая моя личная история.

После окончания школы я поехал в ЛосАнджелес работать в еврейском детском лагере. Лагерь принадлежал реформистской синагоге, и я сказал себе: «Раз я уже здесь, посмотрим-ка, с чем это едят!» Я зашел в пятницу и, можно сказать, с тех пор уже не выходил. Сегодня я член правления Бейт-Даниэль – Центра прогрессивного иудаизма в Тель-Авиве.

Моя встреча с армией была великолепной, потому что, когда я вернулся к израильской действительности, у меня уже появились силы и уверенность в себе. Скажем

так: я не чувствую, что в «Шевахе» я оторвался от израильской действительности, может быть, это случилось потому, что по роду своих обязанностей в совете учащихся я много встречался с израильянами. Я ни разу не почувствовал, что я – не израильянин. Правда, я знал, что я не сабра и никогда им не стану. Не представляю себе, что кто-нибудь позвонит мне и назовет меня Семеном, а я ему в ответ: «Нет, зови меня Сами!»

Я чувствую себя израильянином, но не таким, как все. Возвращение к Израилю было другим, потому что я понимал, каков я есть, понимал, что соединяю в себе две культуры. Это выражается и в том, что я за рулем включаю восточную музыку, и в том, что я достаю своих приятелей в армии, каждый день включая им русскую музыку. Я не ощущаю здесь проблемы, а в таком случае и другие относятся к этому спокойно и принимают меня таким, какой я есть.

Однако вообще проблема существует. Ведь половина моих друзей израильяне, а половина – русские. И когда хочешь пригласить на день рождения всех, то обнаруживаются некоторые трудности. Но мы, русские, умеем справляться с проблемами при помощи инструмента под названием «водка». После первого же глотка наблюдается сближение. Сегодня я уверен – спроси любого из моих израильских друзей, и он никогда не станет утверждать, что я сабра, но обязательно скажет, что я – израильянин.

Кто такой для меня сабра? Я считаю, что сабру очень легко определить, в отличие от израильянина. Сабра – это человек, который родился в Израиле. У сабр есть определенная манера поведения. Можно слышать обобщения: варварские, примитивные люди... Ну уж нет! Я смеюсь на такие заявления. Это люди, чья культура на 90 процентов ивритская и израильская, и это выражается по-разному. Я не хочу это вникать, потому что это действительно обобщения, а люди все разные. Чем я их больше встречаю, тем больше в этом убеждаюсь. Сабра – это человек израильской культуры.

Какова сегодня моя связь с Россией? У меня здесь есть модель России – мои родители. Мой дядя все еще живет в Москве. Я разговариваю с ним. Побывать там снова мне не довелось за последние 12 лет, хотя я и очень хотел бы. Каждый раз у меня это не получалось по разным причинам. Например, потому, что служба в армии не позволяла. Связь сохраняется, я полагаю, через русскую культуру. Я смотрю русские фильмы, я слушаю русскую музыку, я читаю по-русски, смотрю новости из России. Но меня нельзя назвать «русским», хоть я и рожден в русской культуре. Если я сегодня поеду в Москву, то в качестве туриста.

Я хочу сказать напоследок кое-что о гетто. «Гетто» производит впечатление очень плохого слова из-за напоминания о гетто времен Второй мировой войны. Но слово возникло в эпоху, предшествовавшую ей на сотни лет, когда евреи сами селились общинами, чтобы не ассимилироваться и не раствориться в иных культурах. Иными словами, речь идет о той стороне понятия, которая может быть положительной.

Дина Шульман

Меня зовут Дина. Я закончила «Шевах» семь лет назад. Начну с конца: мое взаимное знакомство с этой страной не закончилось, даже не достигло середины. Я в Израиле 14 с половиной лет, приехала в семилетнем возрасте, и я все еще нахожусь в процессе вхождения в израильское общество. Я прошла армию, учусь в музыкальной академии, но по-прежнему меня сопровождает тема русских и израильтян, до сих пор это ежедневно в чем-то выражается. Этот комплекс не прошел, и я не представляю, как он может пройти.

Мама назвала меня Диной. Это библейское имя. Когда мы сюда приехали, мама сделала это из чисто идеологических, сионистских соображений. Мы переехали в Рамат-Ган, и мне пришлось перейти из одной школы в другую. Я столкнулась с враждебностью в израильском обществе и все это общество стала воспринимать как нечто враждебное. Это, конечно, обобщение. Враждебность выражается в насилии – словесном и физическом. Я страдала от физического насилия в обеих школах, включая побои от учеников. Учителя знали, что происходит, но были невозмутимы. Они знали, что не я одна страдала от этого. Все репатрианты страдали от этого, а со стороны учителей и руководства было полное равнодушие, все закрывали на это глаза. Моя мама пришла в школу и пыталась с кем-нибудь поговорить. Это было настоящее бедствие – никто не хотел вмешаться.

Сидя дома, я мечтала о русской школе. Я фантазировала на эту тему, прежде чем узнала, что существует «Шевах». Вот что еще хочу сказать: в предыдущих школах я училась гораздо лучше, чем в «Шевахе», потому что боялась. Мне надо было в чем-то отличаться, завоевать авторитет – ведь меня не принимали, потому что я не стала

израильтянкой. Я отличалась в спорте, тратила много сил на учебу. Мне было очень трудно.

Этот период остался в памяти как настоящее бедствие. Были репатрианты, на четыре-пять лет раньше меня приехавшие в Израиль. Они разделились на две группы – те, что вписались в израильское общество, и те, что нет. В первых мы видели предателей, перешедших в лагерь врага. Они с нами не разговаривали, и мы не разговаривали с ними.

В первый же день в «Шевахе» со мной произошла метаморфоза – я вдруг расцвела. Маму изумила эта перемена. Я подняла голову, исчезла депрессия. Я тут же поняла, что хочу учиться здесь. Любой ценой буду учиться здесь! Я перешла в «Шевах» в восьмом классе, проучившись до этого в двух израильских школах, и это стало единственным выходом. При первом переходе из школы в школу мне не повезло, и теперь я была обязана добиться успеха.

Почему именно в «Шевахе» я перестала прилежно учиться? Я наслаждалась чувством, что могу прийти в школу – и там меня не бьют и не ругают, а сама учеба попросту превратилась в нечто второстепенное. Она уже не была целью – целью было просто прийти в «Шевах», увидеть людей и набраться уверенности в себе.

И отношение учителей было просто потрясающим. Мне казалось, что учителя к каждому ученику относятся индивидуально, не важно, хорошее это отношение или плохое, но это личное отношение. Тебя замечают, ты не просто какойто там предмет. Ты делаешь что-то хорошее или что-то плохое, но никогда не случалось, чтобы учителя входили в класс, не видя ничего, кроме списка учеников. Царило ощущение какого-то братства.

После «Шеваха» я приобрела огромную уверенность в себе, то, чего прежде мне не хватало. Но отношения в армии были почти такими же, что и в начальных классах. Словно с тех пор ничего не изменилось. Я попала в армию и почувствовала себя беззащитной, хотя хорошо владела языком и другими израильскими навыками. Но все равно чувствовала себя русской. Я тут же сошлась с русскими девчонками, не только с русскими, а со всеми, кто недавно приехал в страну. У меня было чувство, что с ними легче общаться.

В армии я страдала от расизма со стороны сабр. В конце я служила в погранвойсках, но сначала была на курсах молодого бойца и там этот расизм ощутила. Мне просто не везет. Шла я по улице, когда мне было 16 лет, и трое сабр накинулись на меня и швырнули на машину, просто так. С первого дня у меня с сабрами невезение. С саброй я дела иметь не стану, и подружек-сабр у меня нет. У меня против них ничего нет, кроме страха. Страх, который жил во мне до «Шеваха», остался.

Сейчас я учусь в музыкальной академии в Иерусалиме. В первый же день, когда я пришла туда, я позвонила маме и сказала, что ни на минуту там не останусь. А потом разревелась. Прошло несколько месяцев. Я осознала, что это моя собственная

проблема, что моя реакция необъективна. Но все это еще глубоко сидит во мне. Я это понимаю, но не настолько, чтобы об этом подробно говорить.

«Русский» багаж

Некоторые из причин взрывоопасного столкновения отчетливо представлены в словах Таи, однако мы узнали, что сила конфликта не связана исключительно с обстоятельствами места и времени начала девяностых годов в Израиле. В столкновение вовлечены общины, принесшие с собой культурный багаж и предрассудки прошлого, в которых присутствовал взрывчатый потенциал.

О «русской» стороне вопроса мы впервые услышали от Семена Парижского, представившего конфликт внутри русского общества как кризис самоидентификации между обращением к славянским истокам и обращением к европейскому Западу. Внутри этого собственно русского спора, по его мнению, евреи заняли западно ориентированную позицию. В связи с этим у них сложилось заведомо негативное отношение ко всему, что воспринималось ими как «ориентальное», в особенности к жителям среднеазиатских республик. В их ориенталистском дискурсе выходцы с Востока изначально описывались как лишённые культуры, примитивные и враждебные Западу. Это подкрепляется статьёй культуролога, изучающего подобные тенденции в среде интеллигенции выходцев из России. Дмитрий Шумский демонстрирует скрытую сторону западной ориентации евреев из России, в центре которой находится уничтожение ориентального антагониста: «Судя по всему, речь идет об особом витке русского и советского ориенталистского дискурса, характеризовавшего колониальное русско-советское сознание по отношению к уроженцам Кавказа и Средней Азии»¹⁶. По его утверждению, уничтожение ориентального антагониста в среде репатриантов помогает им сохранять собственный образ представителей элиты, носителей европейской культуры и укрепляет их общественный статус в Израиле.

Эта позиция Шумского подвергается критике в статье трех исследовательниц из Еврейского университета в Иерусалиме¹⁷¹⁰, хоть и принимающих его принципиальный подход, но оспаривающих вывод о том, что уничижительный по отношению к ориентализму тон является однозначным и гомогенным в среде репатриантов. По их утверждению, среди них есть и другие голоса, противоречащие доминирующему дискурсу. И в беседах, которые мы проводили, слышались более разнообразные голоса. Например, некоторые из учеников с предельной осторожностью относились к вопросу о личных отношениях с уроженцами Израиля, и с «восточными» в частности. Не раз и не два мы сталкивались с декларацией того, что в этих отношениях «нет никаких проблем» (хотя не исключено, что такое отрицание проблем вызвано попыткой отмахнуться от них), однако дополнительные вопросы о реальной дружбе с «восточными» показывают, что чаще всего отношений такого рода не возникало.

---

¹⁰ Эдна Ломски Федер, Тамар Рапопорт и Юлия Лернер. Ориентализм сквозь призму иммиграции: русские студенты воспринимают принадлежность к Востоку. «Теория и критика», № 26, весна 2005, с. 119–147.

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

Мы также слышали голоса, которые отмежевывались от восприятия выходцев с Востока как носителей характерных общих черт и склонялись к восприятию каждого человека индивидуально.

Отклики на уничижающий дискурс мы нашли и в личных историях, прозвучавших на нашей встрече. Майя Нагарани, «восточная» учительница иврита в школе «Шевах-Мофет», рассказывает о своей соседке-репатриантке из южного тель-авивского квартала:

«Одна из моих соседок – русская с очень тяжелой биографией, единственная дочь которой – алкоголичка, бросившая двух своих детей, и эта соседка сама растит внуков. Каждый – от другого отца. Мой муж Таль и я стали заботиться об этой семье. Мы приглашали их на праздники к себе, поддерживали ежедневную связь, я писала для нее письма, и мы старались помогать им всеми возможными способами. И все это время, несмотря на такое положение, я видела ее заносчивость и высокомерие. Во время наших семейных трапез, где ей воздавались царские почести, я видела по ее взгляду и по случайным замечаниям, что она воспринимает нас как примитивное восточное племя. Она критиковала разговоры за столом, которые, по ее мнению, не велись на достаточно высоком уровне, мы грешили семейной болтовней о будничных делах, а моя сестра вообще лучше бы помалкивала о своей работе... И хотя ее положение было очень тяжелым, а личная жизнь пошла прахом, эта женщина давала нам почувствовать, что она выше нас, а мы – прах у нее под ногами. По правде сказать, она не очень-то стеснялась открытых расистских заявлений. На мои замечания: “Извините, вы не должны так говорить” – она отвечает: “Вы же знаете, что вы другая, вы – исключение...” Ни извинений, ни политкорректности».

Еще одно свидетельство априорно высокомерного отношения к «восточным» звучит в рассказе Светланы Зак-Йосифон, уроженки Минска, состоящей семь лет в браке с Ореном, саброй, сыном репатриантов из Ирака:

«Моя лучшая подруга все время относилась к моему союзу с парнем из восточной общины с этаким “снисхождением”, позволяя себе выражения типа: “ну, ничего”, и сегодня, семь лет спустя, она даже не различает, какого он происхождения – марокканец, курд, йеменит... Она просто не желает в это вникать. Самое забавное, что за эти годы Орен благодаря своему характеру превратился для нее в закадычного друга».

Мы обнаружили, что и после того, как люди «перерастают» свои культурные предрассудки и недоброжелательное отношение друг к другу, между ними продолжает скрываться противостояние, проявляющееся, в частности, в смешанных семьях. Эдна Ломски-Федер сообщила, что из исследования, проведенного ею и ее коллегами в таких семьях, следует, что в них наличествует четкое разделение ролей: восточная сторона привносит еврейство, семейные связи и чувство причастности, а русская ответственна за культуру. То есть в семейном товарообмене возобладали русская культура.

История Рои Хена, писателя, переводчика с русского языка, сына благополучных восточных родителей из Гиватаим, женатого на уроженке Москвы, – наглядный пример этого культурного противоборства, хотя сам он замечает, что его частный пример далек от того, чтобы быть характерным:

«Моя личная история иная... Моя исконная фамилия – Хасан, в прошлых поколениях – “Хазан” (“кантор”). Это фамилия моего отца, чьи предки прибыли сюда 700 лет назад и поселились в Иерусалиме. С материнской стороны бабушка и дедушка приехали из Марокко в сороковые годы. Дед был профессиональным рыбаком, а бабка – домашней хозяйкой. Оба они не умели читать и писать. В детстве я был очень привязан к дедушкам и бабушкам с обеих сторон, это была прямая, не зависящая от родителей близость. Моя семья – типично израильская, оба, отец и мать, родились здесь, мы живем в пентхаузе в Гиватаим, и все у нас в порядке. Моя причастность к Востоку существовала всегда, несмотря на отрицание всего восточного родителями-собрами, и я никогда не чувствовал дискриминации по отношению к себе.

...В 14 лет я начал самостоятельно учить русский язык. Источником моих особых отношений с русской культурой стала литература. Со своей “племенной” литературой я не сошелся по самой простой причине: ее не было в доме, потому что ее вообще не существует в природе. В то же время русская литература стояла перед моими глазами. Я читал много. После знакомства с многими основными для русской культуры книгами я захотел прочесть их в оригинале: “Героя нашего времени” Лермонтова, “Онегина” и другие. И поскольку самознания мне было не занимать, я взял русскую поэзию – Пушкина, Ахматову – и начал читать ее со словарем... И тут я обнаружил, что вокруг меня миллион русских, некоторые из них даже в моем классе... Понемногу, полушутя, я начал пользоваться русскими словами. Годы спустя я спросил себя, зачем мне понадобился другой язык. Ведь я не был унижен, не чувствовал на себе “восточной” проблемы. Моя восточная ментальность проявлялась в бессознательных вещах, в знаменах, которыми я размахивал. Это факт, что наша семья была очень восточной. Меня окружало марокканское наречие... На каком-то этапе я стал его изучать в качестве противовеса русскому. Сегодня я чувствую себя совершенно “русским” – не так, как тот, кто поучился на японском факультете, изучил язык и делает суши по вечерам... Я побывал в России, работал там, поддерживаю связь со многими российскими организациями. Я замечаю, как часто я спорю, всегда защищая противоположную сторону своего “я”. И хотя сам не переживаю конфликт, но знаю, что он существует, и отчаянно воюю за обе стороны...»

Рассказ Светланы Зак-Йосифон еще ярче демонстрирует необходимость культурного выбора, в котором нуждалась ее смешанная семья, хотя ее супружество как будто диктовало равноценность принятия обеих культур:

«Шесть лет назад я пришла в Институт Мандель и здесь познакомилась со своим мужем. Оба его родителя – иракцы, отец приехал из Ирака, а мать родилась через две недели после приезда семьи оттуда в Израиль. Я не готовлю восточные блюда, а Орен жить не может без борща и пельменей. Мой муж – израильтянин во втором

ФИЛОСОФ В ШКОЛЕ

поколении. Фактически в нем мало что осталось от иракской культуры. Он говорит, что вливание выходцев из стран Востока в израильский мейнстрим сопровождалось отторжением старой культуры, как это ни печально. Они отказались от культуры, процветавшей две тысячи лет, – вавилонской культуры, и сверстники Орена практически ничего о ней не знают... У нас в семье русская культура возобладала, но не в результате насилия. Один из нас, а именно мой муж, больше приобщился к русской культуре, к литературе, хотя и не в оригинале».

В продолжение разговора Светлана из большого сочувствия к «племенной культуре» родителей мужа рассказала о совместных трапезах и о постоянной заботе, которая ее окружает со стороны родственников мужа: «В рамках племенных отношений мы должны проводить каждый субботний вечер в доме родителей Орена, и там родительская любовь выливается в обилие еды... нас все время уговаривают поесть и то блюдо, и это. Они страшно тревожатся по поводу моей худобы...»

Можно утверждать, что и в это описание, сколь бы ни было оно пронизано добрыми чувствами, проникает тон снисходительного отношения к «ориентализму» (любовь, выливающаяся в обилие еды, и т. д.). Вместе с тем это можно списать на различие в культурах и привычках.

אשכולות
КУЛЬТУРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке
מאזני שני
MAAZANI SHANI